

18574
1911 г.

МАЯКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Крѣпостныя дѣти. С. Дурылина.
* * Стих. Т. Шевченко.
Журочка. Е. Милицыной.
Зимній вечеръ. Стих. О. Жукъ.
Капля. И. Ф. Наживина.
Вокругъ насъ. (Опыты и наблюден.) С. Покровскаго.
Землетрясеніе въ Туркестанѣ. Л. Ж.

ДЛЯ МЛАДШИХЪ.

Въ новой школѣ. Рисунки дѣтскихъ работъ и занятій.
Дѣдушкина сказка. Стих. А. Насимовича.
Маленькіе американцы. Паркера.

Въ текстѣ 54 рисунка.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Пѣсни о неволѣ и волѣ. Сборникъ стихо-
твореній о крѣпостномъ правѣ.
Съ двумя портретами.

№ 2

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

И-1587-49

Крѣпостныя дѣти.

I.

Въ началѣ прошлаго, 19-го, и особенно въ концѣ 18-го столѣтій, въ тогдашнихъ газетахъ, „Вѣдомостяхъ“, часто можно было прочесть среди другихъ объявленій о продающихся домахъ, имѣніяхъ, товарахъ: „Продается дѣвка и поѣзженная карета“. „Въ приходѣ церкви св. Николая чудотворца, въ школѣ, продается двадцати лѣтъ, собою видная и къ исправленію горничной работы способная, дѣвка и хорошо выѣзженная верховая кобыла“. Цѣны же на „дѣвокъ“ и не только на „кобылъ“ или на поѣзженные кареты, но даже на щенятъ были совсѣмъ различныя: иногда маленькій легавый или борзой щенокъ цѣнился въ сотни и тысячи рублей, а крѣпостныя крестьянскія дѣвушки продавались, въ концѣ 18-го столѣтія, за 25 рублей; цѣна взрослога парня, хорошаго работника, была рублей 40—50, старики и старухи цѣнились рублей по 10—12, а маленькихъ дѣтей продавали за 2—3 рубля. Бывали случаи, когда помѣщики цѣлую деревню, съ дѣтьми, бабами, мужиками

Крѣпостные — мать съ сыномъ.

Съ картины Веллманна.

промѣнивали на одного особенно породистаго щенка или проигрывали въ одинъ вечеръ въ карты.

Въ глубокую старину слово „крестьянинъ“ означало то же, что слово „христiанинъ“; и вотъ этихъ-то крестьянъ, другіе христiане, помѣщики, господа, продавали, какъ товаръ, да еще вовсе и недорогой товаръ: щенята, кареты и множество другихъ предметовъ цѣнились гораздо дороже.

Прошло только пятьдесятъ лѣтъ съ того времени, какъ стали невозможны уже такія продажи, съ той поры, какъ навсегда окончилось позорное *крѣпостное право*,—право одного человѣка, помѣщика, владѣть другимъ человѣкомъ—крѣпостнымъ,—такъ владѣть, какъ мы теперь владѣемъ домами, скотомъ, сукномъ, книгами, то-есть право покупать, продавать, дарить, мѣнять эти вещи и распоряжаться ими по нашему желанію.

Окончилось это грѣшное право недавно, пятьдесятъ лѣтъ назадъ, но началось оно очень давно: больше, чѣмъ за триста лѣтъ до нашего времени.

Случилось это такъ:

Еще задолго до нашествія татаръ на русскую землю, то-есть лѣтъ семьсотъ тому назадъ, русская земля раздробилась на множество отдѣльныхъ мелкихъ княжествъ. Спустя долгое время, одни изъ этихъ князей, князья Московскіе, которые были хитрѣе, расчетливѣе и осторожнѣе другихъ, постепенно присоединяли къ своему княжеству другія княжества: одни изъ нихъ завоевывали, другіе—покупали у бѣдныхъ князей; иногда же брали въ плѣнъ сосѣднихъ князей, заточали въ тюрьмы, а княжества ихъ отбирали себѣ. Такъ постепенно образовалось большое Московское княжество, а потомъ царство. Московскій князь и царь привыкли смотрѣть на всю землю, которую занимало ихъ княжество, какъ на свою собственную, какъ на свое огромное имѣніе, съ которымъ они, какъ хозяева, могли дѣлать все, что хотѣли. Московское царство вело много долгихъ и страшныхъ войнъ,—можно даже сказать, что война въ тѣ времена никогда не прекращалась: московскіе князья и цари, почти не переставая, воевали съ сосѣдями—другими князьями, вольными городами, иноземными государствами (Польшей, Литвой, нѣмецкими рыцарями). Они стремились отнять побольше земель у сосѣдей и присоединить ихъ къ своимъ владѣніямъ. Съ юга же и съ востока на Московское государство все время, до середины 18-го столѣтія, нападали крым-

скіе татары, ногайцы и другіе инородцы. На югѣ не прекращалась жестокая война.

Московскіе цари держали наготовѣ большое войско, но не тратили на него деньги, а поступали такъ: отдавали огромныя земли—съ полями, лугами и лѣсами,—во владѣніе *служилымъ людямъ*, то-есть такимъ, которые несли военную службу. Такія земли назывались *помѣстьями*, а кто ими владѣлъ—*помѣщиками*. Помѣстья давались вмѣсто жалованья за военную службу: помѣщикъ долженъ былъ непремѣнно, по первому зову, итти на войну, привести съ собою нѣсколькихъ вооруженныхъ людей, содержать ихъ на войнѣ, или долженъ былъ поселиться съ вооруженными людьми на самой границѣ государства, чтобы охранять его отъ враговъ, а за это онъ получалъ помѣстье, которымъ пользовался до самой своей смерти. Затѣмъ помѣстье или переходило къ другому служилому человеку, или нерѣдко оставалось у сына умершаго.

Крестьяне же земледѣльцы не владѣли вовсе землею: помѣщики пользовались землею отъ царя, а крестьяне—отъ помѣщика. Онъ давалъ крестьянамъ землю съ тѣмъ, чтобы они отдавали ему часть урожая. Крестьяне сначала могли свободно переходить отъ одного помѣщика къ другому: они искали себѣ такихъ помѣщиковъ, которые отдавали имъ землю на болѣе выгодныхъ условіяхъ, меньше требовали себѣ изъ урожая, были добрѣе, снисходительнѣе.

Не всѣмъ помѣщикамъ такой свободный переходъ крестьянъ изъ помѣстья въ помѣстье былъ выгоденъ: крестьяне стремились къ болѣе богатымъ, знатнымъ помѣщикамъ, гдѣ условія жизни были лучше, меньше было поборовъ, меньше было обидъ отъ лихихъ людей и разбойниковъ, которые не рѣшались нападать на большія помѣстья. Но такъ какъ мелкихъ помѣщиковъ было больше, чѣмъ крупныхъ, то они всячески старались добиться того, чтобы запретить крестьянамъ такіе частые переходы изъ помѣстья въ помѣстье. Стали издавать законы, въ которыхъ указывались лишь нѣкоторые дни, въ которые крестьяне могли переходить къ другимъ помѣщикамъ; переходамъ такимъ всячески мѣшали; наконецъ, разрѣшили переходы только одинъ разъ въ году—въ осенній Егорьевъ день (27 ноября), послѣ окончанія всѣхъ сельскихъ работъ.

Такъ началась *крѣпостная неволя*, то-есть прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ, къ одному помѣстью, запрещеніе имъ свободнаго перехода по всей землѣ.

Крѣпостное же право помѣщика надъ крестьяниномъ, надъ самую его личностью, произошло такимъ образомъ:

Живя въ горькой бѣдности, платя большія подати въ Москову на надобности государства, крестьянинъ, селясь въ помѣстьи, нуждался во всемъ: у помѣщика приходилось ему занимать денегъ на покупку сохи, бороны, лошади, на соль, на обувь, у помѣщика занималъ онъ сѣмена для посѣва или ржи для печенія хлѣбовъ, если не хватало своей или годъ былъ неурожайный, а это случалось часто. Крестьянинъ бывалъ въ постоянномъ долгу у помѣщика, а такъ какъ почти непрерывныя войны, набѣги татаръ, лихоимство и поборы тогдашняго мѣстнаго начальства, частыя голодовки, повальныя болѣзни, еще болѣе частые пожары разоряли крестьянина, его долгъ помѣщику все росъ да росъ, и, въ концѣ концовъ, крестьянинъ дѣлался неоплатнымъ должникомъ помѣщику, терялъ навсегда надежду заплатить долгъ. Не заплативъ же долга, не разсчитавшись съ помѣщикомъ, крестьянинъ не имѣлъ права оставить помѣщика и пойти къ другому.

Такъ изъ-за бѣдности своей крестьяне постепенно прикрѣплялись къ землѣ и къ помѣщикамъ. Переходы крестьянъ дѣлались все рѣже и рѣже: огромное большинство крестьянъ изъ-за неоплатныхъ долговъ помѣщикамъ навсегда было прикрѣплено къ помѣстьямъ. Государство этому было даже радо: съ такихъ осѣдлыхъ крестьянъ легче было собирать всякія подати, судить ихъ, легче управлять ими. Уже въ концѣ 17-го столѣтія крестьяне должны были поневолѣ прекратить почти совсѣмъ переходы отъ помѣщика къ помѣщику и становились *холопами* помѣщика, то-есть людьми, совершенно находившимися въ его волѣ, настоящими рабами.

Къ тому времени, когда императоромъ сдѣлался Петръ Первый, всѣ крестьяне—и тѣ, что были у помѣщиковъ, и тѣ, что принадлежали церквамъ и монастырямъ—были уже крѣпостные. Крѣпостное право все усиливалось. Помѣщики стали распоряжаться крестьянами, жившими у нихъ на землѣ, какъ вещами: продавать, покупать ихъ, дарить, мѣнять. Власть помѣщиковъ стала огромной. Помѣщики могли распоряжаться, какъ хотѣли, не только имуществомъ, но и самую жизнью своихъ крестьянъ. Они могли продавать своихъ крестьянъ кому и куда хотѣли, могли сдавать ихъ за деньги и такъ, въ наказаніе, въ солдаты; имъ позволялось закономъ непокорныхъ крестьянъ ссылатъ въ Сибирь въ каторгу. Напрасно крестьяне

подавали прошенія о защитѣ отъ притѣсненій помѣщиковъ: „Просимъ и молимъ и вопіемъ тебѣ, чтобы склонить тебя къ нашей свободѣ, — писали крестьяне одного помѣщика Петру Первому, — твои бояре и князи, какъ львы, насъ пожираютъ; какъ волки, свирѣпы, бьютъ насъ, — государь, смилуйся надъ нами“. Отвѣта не было. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того Екатерина II запретила вовсе принимать отъ крестьянъ жалобы на помѣщиковъ, а самихъ жалобщиковъ приказала бить кнутомъ и ссылать въ Сибирь. Екатерина II раздарила своимъ любимцамъ до *милліона* крестьянъ; сверхъ того, обратила въ крѣпостное право вольныхъ прежде малоросовъ. Однако, она же запретила владѣть крестьянами монастырямъ и церквямъ и отняла у нихъ крѣпостныхъ.

При Петрѣ III дворянъ, помѣщиковъ, освободили отъ обязательной службы, — отъ той самой службы, за которую когда-то имъ давали помѣстья; но помѣстья остались у нихъ теперь навсегда, въ полномъ ихъ владѣніи, а вмѣстѣ съ помѣстьями остались и крестьяне, и тоже въ безраздѣльномъ ихъ владѣніи. Дворяне оправдывались прежде въ томъ, что владѣютъ крестьянами, говоря, что это — имъ вознагражденіе за службу государству. Теперь ихъ избавили отъ обязательной, на всю жизнь, службы государству; справедливо бы было избавить и крестьянъ отъ рабской службы дворянамъ, но вмѣсто этого — крѣпостное право еще усилилось.

Помѣщики не называли иначе своихъ крѣпостныхъ, какъ — „мои рабы“, „хамы“, „холопы“. Они старались получить какъ можно больше дохода отъ дарового труда своихъ крѣпостныхъ: заставляли шесть дней въ недѣлю работать на помѣщика, и лишь въ воскресенье и праздники позволяли крестьянамъ работать на самихъ себя. Когда императоръ Павелъ издалъ указъ, по которому помѣщикамъ разрѣшалось заставлять крестьянъ работать *барщину*, то-есть работу на барина, помѣщика, не всю недѣлю, а только половину ея, помѣщики такъ толковали этотъ указъ: будто бы онъ приказывалъ крестьянамъ всѣ *дни* работать на помѣщика, а всѣ *ночи* на себя. Въ рабочую пору, въ палящую лѣтнюю жару, крѣпостнымъ приходилось работать въ полѣ на помѣщика по 14—16 часовъ. „О крестьянахъ, что они неимушіе и ходятъ по-міру, отнюдь ко мнѣ не пиши, — писалъ одинъ помѣщикъ своему управителю, жаловавшемуся на крайнюю нищету крестьянъ, — я хочу воровъ разорить и довести хуже прежняго: такъ они милы мнѣ“.

Большинство помѣщиковъ, дѣйствительно, и разоряли своихъ крестьянъ, истощая ихъ непосильнымъ трудомъ.

Какъ триста лѣтъ назадъ, такъ и въ 30-ыхъ годахъ 19-го столѣтія, крестьяне жили въ грязныхъ курныхъ избахъ, гдѣ дымъ носился по всей избѣ, выходя не въ трубу, а въ особое оконце. Отъ постоянно стоящаго въ избѣ ѣдкаго дыма и дѣти и взрослые болѣли глазами, а многіе—слѣпли.

На баршину, на работу, крестьянъ выгоняли еще затемно, до разсвѣта. Въ страдную пору, когда рожь поспѣла, крѣпостныхъ заставляли все время работать на помѣщика; а въ это время на крестьянскомъ полѣ рожь оставалась не сжатой, колосья осыпались, зерно падало на землю, такъ что когда крестьянинъ, убравъ барское поле, шелъ на свое, даже при хорошемъ урожаѣ, сборъ у него былъ плохой, такъ какъ множество перезрѣвшаго зерна пропало—и когда рожь стояла на корню, и въ пору жатвы.

Истощенный, некормленный крестьянскій скотъ долженъ былъ нести двойную работу: обрабатывать и барское поле, и крестьянское; отъ этого ни то, ни другое поле не обрабатывались хорошо, земля скудѣла, урожаи сокращались.

Да и самый крѣпостной пахарь былъ поневолѣ плохой пахарь: барское поле обрабатывалъ онъ изъ-подъ кнута, неволей, въ то время, когда порывался работать на своемъ, а на своемъ работать приходилось на-спѣхъ, часто въ дождливую погоду, кое-какъ, чтобы вовсе не запоздать съ уборкой.

Время уборки хлѣбовъ русскій народъ называетъ *страдой*, отъ слова *страдать*. И въ дѣйствительности, никогда не приходилось столько страдать крѣпостному народу, какъ въ пору жатвы и уборки хлѣбовъ. Маленькія дѣти, безъ призору, по цѣлымъ днямъ голодали безъ отцовъ и матерей въ деревнѣ; случалось, отъ ихъ шалостей возникали пожары, и въ то время какъ всѣ взрослые были далеко въ полѣ, деревня выгорала до тла. Женщины съ грудными младенцами надрывались надъ полосами ржи. Изъ-за нестерпимой жары всѣ—и мужчины, и женщины—работали босикомъ въ однихъ рубахахъ.

Надсмотрщики за работой расхаживали съ плетками въ рукахъ и чуть увидятъ, что баба или мужикъ остановятся передохнуть, хлестали ихъ плетьюми.

И все-таки, несмотря на мучительный трудъ, крестьяне жили впроголодь даже въ урожайные годы.

Въ голодные же годы помѣщики рѣдко помогали крестья-

Бабушкины сказки.

Съ картины Максимова.

янину въ его нуждѣ, и народъ питался тогда такой пищей, отъ которой многіе умирали. „И теперъ еще,—говоритъ одинъ современникъ крѣпостного права,—пробѣгаетъ холодный трепетъ по жиламъ при воспоминаніи о видѣнномъ мною кусочкѣ хлѣба, которымъ питаются крестьяне Витебской губерніи: мука вовсе не вошла въ его составъ,—онъ состоитъ изъ мякины, соломы и еще какой-то травы, а видомъ похожъ на высушенный конскій навозъ, сильно перемѣшанный съ соломою“.

Тѣхъ помѣщиковъ, которые помогали въ бѣдѣ своимъ крѣпостнымъ, сосѣди называли опасными вольнодумцами: такъ одного южнаго помѣщика, заложившаго въ голодный годъ свое имѣніе, чтобы помочь на вырученныя деньги своимъ крѣпостнымъ, сосѣди-помѣщики прозвали „сумасшедшимъ“ и перестали водить съ нимъ знакомство.

Помѣщикъ бралъ часть своихъ крестьянъ себѣ для услугъ въ домъ: такіе крѣпостные назывались *дворовыми*. У богатыхъ помѣщиковъ ихъ бывали десятки и сотни. Изъ нихъ помѣщики набирали поваровъ, лакеевъ, плотниковъ, обойщиковъ, художниковъ, музыкантовъ, парикмахеровъ, актеровъ, садовниковъ. У многихъ помѣщиковъ бывали свои театры, гдѣ актеры и музыканты были свои же крѣпостные, и вотъ, если помѣщикъ былъ недоволенъ тѣмъ, какъ какая-нибудь Маша или Даша провела роль принцессы, онъ приказывалъ ее тутъ же, за сценой, высѣчь, а затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, она опять должна была представлять принцессу.

Помѣщикъ могъ по-одиночкѣ распродать всю крестьянскую семью: одному продать отца, другому покупщику—мать, третьему—дочь, четвертому—сына. Только въ началѣ 19-го столѣтія было запрещено продавать людей на рынкахъ, какъ теперъ продаютъ скотъ и капусту. Одинъ иностранецъ видѣлъ и описалъ, какъ продавали людей на рынкахъ. Это было въ Тулѣ. На площади стояло до сорока дѣвушекъ. Путешественникъ спросилъ: что онѣ дѣлаютъ? „Продаются“,—спокойно отвѣтили ему.—„Какъ? Развѣ людей продаютъ, какъ скотину?“ вскричалъ онъ.—„А подите къ нимъ сами, посмотрите“. Иностранецъ приблизился къ дѣвушкамъ. „Купи насъ, господинъ, купи!“ закричали онѣ. Путешественника поразило, что онѣ такъ равнодушно кричатъ ему. „Пошли бы вы за мной, куда бы я васъ ни повелъ?“ спросилъ онъ.—„Намъ все равно: не вамъ, такъ другому служить“, отвѣчали несчастныя дѣвушки:

Продажа крѣпостныхъ крестьянъ на Нижегородской ярмаркѣ.
Съ картины К. В. Лебедева, изъ кн. „Великая реформа“, изд. Ситина.

онѣ знали, что вездѣ ждала ихъ одна и та же неволя, и потому были такъ равнодушны къ своей участи. На продажу людей привозили обыкновенно скованными.

У помѣщиковъ въ усадьбахъ бывали особыя тюрьмы и кандалы для провинившихся крѣпостныхъ. Помѣщикъ могъ, какъ хотѣлъ, наказывать крѣпостного, и какъ бы ни было жестоко и мучительно наказаніе, никто не имѣлъ права запретить помѣщику такъ наказывать своихъ крѣпостныхъ: законъ былъ весь на сторонѣ помѣщика, а жалобы на жестокость помѣщика отъ крѣпостныхъ не принимались. За малѣйшія провинности жестоко сѣкли розгами, кнутами, плетью, палками; иногда розги нарочно мочили въ соленомъ растворѣ, чтобы при сѣченіи соль разъѣдала тѣло.

Мученія крѣпостныхъ были огромны.

Одинъ помѣщикъ разгнѣвался на крестьянина за то, что тотъ помѣшалъ ему затравить собаками лисицу. Помѣщикъ приказалъ раздѣть мужика догола (была осень) и окутать его много разъ въ воду, а затѣмъ высѣчь сквозь намоченный мѣшокъ арапникомъ.

Скупая помѣщица велѣла зауздывать, какъ лошадей, женщинъ, которыя доили коровъ: она боялась, какъ бы онѣ, голодныя, не пили молока во время доенія.

Другая помѣщица приказывала дворовымъ дѣвушкамъ ходить за водой за 2 версты, въ одномъ платьѣ, во всякое время года, и если ей казалось, что вода взята не изъ того колодца, она заставляла дѣвушекъ пить ее съ мыломъ. Она же, раздѣвъ дѣвушекъ догола, сажала ихъ на ледъ и снѣгъ, приказывала имъ ѣсть бумагу, кости, тухлыя яйца, кирпичъ. Иногда катала ихъ голыхъ въ санкахъ съ ледяной горы и закатывала до смерти.

За девять лѣтъ до освобожденія крестьянъ жилъ помѣщикъ Карцевъ. Провинившихся крѣпостныхъ онъ сажалъ на цѣпь, заковывалъ въ кандалы и, скованныхъ, заставлялъ работать въ полѣ. Одного крестьянина онъ четыре года держалъ въ кандалахъ, принуждая днемъ работать на пашнѣ, а ночью приковывалъ его къ столбу; у столба этотъ страдалецъ и скончался. Такая же участь постигла и сына этого мученика: приковавъ его къ столбу, Карцевъ, раздѣвъ донага юношу, билъ его до тѣхъ поръ, пока тотъ упалъ мертвымъ.

Чтобы сдѣлать страданія еще нестерпимѣе, отцу иногда приказывали сѣчь родную дочь за какую-нибудь ничтожную

провинность (плохо вышитый коверъ, пересоленное кушанье), мужу—истязать жену. Отказывавшихся исполнять такія приказанія подвергали жесточайшимъ мученіямъ.

Въ концѣ 18-го столѣтія одинъ помѣщикъ убилъ своего крѣпостного. Дѣло пошло въ судъ, но судъ призналъ, что нѣтъ такого закона, который бы наказывалъ помѣщика за убійство двороваго человѣка, и оправдалъ помѣщика.

Мученія крѣпостныхъ доводили многихъ изъ нихъ до самоубійства. Годъ отъ году увеличивалось число не выдержавшихъ истязаній и глумленій надъ собою и покончившихъ жизнь самоубійствомъ. Въ одномъ только уѣздѣ, всего за пять лѣтъ,—да еще за послѣднихъ пять лѣтъ передъ освобожденіемъ, когда крѣпостное право ослабѣвало,—443 человѣка убили себя, не вынесши крѣпостного гнета.

Крестьяне спасались бѣгствомъ отъ помѣщиковъ на югъ, въ степи, но крѣпостное право распространялось и тамъ. Крѣпостные убивали помѣщиковъ или поднимали бунты, но все это только озлобляло помѣщиковъ, только увеличивались страданія крѣпостныхъ, и крѣпостное право уничтожилось лишь тогда, когда все больше и больше являлось людей, обличавшихъ его неправду, когда увеличивалось въ людяхъ сознаніе, что владѣніе крѣпостными рабами есть великій грѣхъ передъ Богомъ.

II.

Тяжка и мучительна была доля крѣпостныхъ дѣтей.

Ни у отца, ни у матери не было времени ни ходить за ними, ни заботиться о нихъ, ни приласкать ихъ. Задавленные нуждой, непосильной работой, подъ постояннымъ страхомъ наказаній, родители оставляли дѣтей расти на волю Божию. Няньками у малышей служили ихъ же сестренки и братишки; немногимъ постарше были няньки, чѣмъ самые выходки ихъ. Гибли малыши отъ плохого питанія, отъ плохого ухода, отъ никѣмъ не лѣчимыхъ болѣзней. И теперь въ деревнѣ, въ наше время, дѣтская смертность необыкновенно велика, въ то же время она была еще больше. Жизнь крѣпостного ребенка была самая мучительная жизнь.

Въ 1846 году, значить за 15 лѣтъ до освобожденія кре-

стьянъ,—писателемъ Д. В. Григоровичемъ была напечатана повѣсть „Деревня“. Въ ней Григоровичъ, первый изъ русскихъ писателей начавшій изображать ужасъ крѣпостного права, рассказываетъ печальную исторію одной крестьянской дѣвочки, съ ея рожденія и до смерти:

„Въ грязной, смрадной избѣ на скотномъ дворѣ, у скотницы родилась дочь“... Мать умерла при родахъ. Умерла бы, навѣрное, и новорожденная Акулька, если бы какой-то добрый человѣкъ не сунулъ ей въ руку рожокъ. Дѣвочка осталась жива; жить ей пришлось у новой скотницы Домны, женщины не злой, но измученной и непосильнымъ трудомъ, и пьяницей мужемъ, и своими дѣтьми. Горькая была доля Акули. „Добро бы своя была,—говорили всѣ про дѣвочку,—добро бы родная, зачѣмъ смотрѣть за ней“. Никто не ласкалъ, не приглядывалъ, не заботился объ Акулѣ. Домна срывала на ней свое бабье горе: бивала дѣвочку; да въ тѣ времена почти всѣ такъ думали, что нельзя не бить дѣтей: чѣмъ больше ихъ бить въ дѣтствѣ, тѣмъ лучше они будутъ, когда вырастутъ. Помѣщики били крѣпостныхъ, въ войскахъ били солдатъ, въ училищахъ сѣкли школьниковъ: такъ всѣхъ приучило крѣпостное право къ жестокости. Однажды жена управляющаго застала Домну на гумнѣ въ ту самую минуту, когда она безмилосердно тусила Акулю. „За что бьешь ты, дурища, дѣвчонку?“—спросила жена управляющаго.—„Да вины-то за нею нѣту, матушка Ольга Тимоеевна,—отвѣтила Домна,—а такъ, для будущности пригодится“.

„Случалось ли ребятамъ напроказить: разбить горшокъ или выпить втихомолку сливки,—разгнѣванная Домна накидывалась обыкновенно на Акульку; забредетъ ли свинья въ барскій палисадникъ, и за свинью отвѣчала бѣдняжка“.

Вотъ какъ росли не одна сирота Акулька,—всѣ крестьянскія дѣти, у которыхъ были и отцы и матери:

„Не успѣетъ еще ребенокъ освободиться отъ пеленъ, какъ уже поручаютъ его сестрѣ, дѣвчонкѣ лѣтъ четырехъ или пяти, которая нянчится съ нимъ по-своему, то-есть мнетъ и тербитъ его во сколько хватаетъ силенки, и иногда такъ пристукнетъ, что и черезъ двадцать лѣтъ отзовется“.

„Мать ли плетется съ коромысломъ на рѣку стирать бѣлье—и дочка тащится вслѣдъ за нею, съ драгоценной ношей (то-есть съ сестренкой или братишкой); развлеченная какимъ-нибудь камешкомъ или травкою, она вдругъ покидаетъ питомца

на крутомъ берегу или на скользкомъ плотѣ... Бѣгутъ ли подъ вечеръ ребята навстрѣчу несущемуся съ поля стаду—нѣжная головка младенца уже непременно мелькаетъ въ рѣзвой, шумливой толпѣ; когда наступаетъ сырая, холодная осень, сколько разъ бѣдняжка, брошенный на собственный произволь, заползеть на середину улицы, покрытой топкою грязью и лужами, и платится за такое удовольствіе злыми недугами и

Крѣпостныя дѣти.

Съ рис. Е. М. Бѣль.

смертью! А весной, когда отецъ и мать, поднявшись съ разсвѣтомъ, уходятъ въ далекое поле на работу и оставляютъ его одного-одинехонька вмѣстѣ съ хилою и дряхлою старушонкой-бабушкой, столько же нуждающейся въ присмотрѣ, сколько и трехлѣтніе внучата ея,—тогда, выскочивъ изъ избы, несется онъ съ воплемъ и крикомъ вслѣдъ за ними, мчится во всю прыть маленькихъ своихъ ножекъ по взбороненной

пашнѣ, по жесткому, колючему валежнику; рубашонка его разрывается на части о пни и кустарники, а онъ бѣжитъ, бѣжитъ, чтобъ прижаться скорѣе къ матери... и вотъ, сбивается запыхавшійся, усталый ребенокъ съ дороги; онъ со страхомъ озирается кругомъ: всюду темень лѣсная, все глухо, дико; а вотъ уже и ночь скоро застигнетъ его... Онъ мечется во всѣ стороны, и все далѣе и далѣе уходитъ въ чащу бора, гдѣ Богъ вѣсть что съ нимъ будетъ. Поминутно слышишь, что тамъ-то утонулъ ребенокъ въ ушатѣ, что тутъ-то забодаль его быкъ, или проѣхала черезъ него отцовская телѣга, что сынъ десятскаго отморозилъ себѣ ногу, а трехлѣтняя внучка старостихи разрѣзала серпомъ щеку двухлѣтней сестрѣ своей, и тому подобное.

„Конечно, крестьянская натура крѣпка, и если ребенокъ уцѣлѣетъ, то къ зрѣлому возрасту онъ превращается въ дюжого и плечистаго парня съ желѣзнымъ здоровьемъ, или въ свѣжую, красную дѣвку; но вѣдь не всякому посчастливится уцѣлѣть. Сколько ихъ гибнетъ! Сколько остается на всю жизнь уродами! Калѣки, слѣпые, глухіе и всякіе увѣчные—въ деревнѣ сплошь да рядомъ“.

Акулька уцѣлѣла. Всѣмъ чужая, съ ранняго дѣтства принялась она за мужицкую тяжкую работу. Дали ей пасти стадо гусей. Тутъ у нея была большая радость — „загонять стадо въ густую осиновую рощу. Ей невыразимо легко, весело, привольно было просиживать тутъ съ утра до вечера. Тутъ только запуганный, забитый ребенокъ чувствовалъ себя на свободѣ“. Любила Акуля слушать пѣсни странницъ на дорогѣ, любила разспрашивать ихъ о далекихъ городахъ и людяхъ. Иногда ходила она на кладбище, на родную могилку, къ матери. Стала Акуля дѣвушкой.

Однажды увидѣлъ ее баринъ и задумалъ выдать замужъ. Случилось такъ, что пришелъ къ нему кузнецъ съ сыномъ, просить позволенія сыну на женитьбу, а у сына ужъ была и невѣста. Баринъ приказалъ кузнецову сыну жениться на Акулинѣ: ни его, ни ее и не подумалъ спросить, любы ли они другъ другу. Помѣщикамъ было выгодно, когда у барщинныхъ крестьянъ рождалось много дѣтей: прибавлялись новые рабы и даровые работники. Поэтому помѣщики обыкновенно приказывали разъ въ году женить холостыхъ парней и дѣвокъ, не спрашивая вовсе ихъ согласія. Они смотрѣли на людей какъ на скоть, отъ котораго нужно побольше получить приплода.

Такъ, довольно добрый, по своему времени, помѣщикъ, знаменитый Суворовъ писалъ своему управителю дальнихъ деревень: „Многіе дворовые ребята у меня такъ подросли, что ихъ женить пора. Дѣвокъ здѣсь нѣтъ, и купить ихъ гораздо дороже, чѣмъ въ вашей сторонѣ: купи для нихъ четыре дѣвки отъ 14—18 лѣтъ, лица не очень разбирай, лишь были бы здоровы“. Выходя насильно замужъ за нелюбимаго человѣка, дѣвушки терпѣли горькую долю въ его семьѣ.

Справили Акулину свадьбу. На первый же день побилъ Григорій нелюбимую жену. Всѣмъ въ домѣ была Акулина нежеланная, непрошенная. Замучили Акулину работой, а еще того болѣе попреками да побоями. Родилась у Акулины дочка; не долго пожила замужемъ Акулина: тяжело занемогла, лежитъ она на лавкѣ, около нея—Дунька.

„Стоны больной, смолкнувшіе на время, вдругъ прервали тишину.

— Что тебѣ?.. аль прихватило?..—сказала Дарья.

„Но Акулина ничего не отвѣчала и только вперила угасавшія очи на мужа; долго смотрѣла она на него и наконецъ произнесла прерывающимся голосомъ: „Григорій“...

„— Ну, что?—отвѣчалъ тотъ, подходя ближе къ женѣ.

„— Григорій!—продолжала Акулина тѣмъ же замирающимъ голосомъ:—Григорій... Григорій...—у нея не хватило силъ сказать больше.

„— Ну, слышу! Что же надо?

„Она положила руку на спавшаго возлѣ нея ребенка и произнесла протяжно:

„— Не бей... ее... не бей... за что?!

Тутъ она смолкла. Силы ее оставили.

На другой день хоронили Акулину. Была метель, Григорій поѣхалъ съ гробомъ.

Крѣпостная дѣвушка съ теленкомъ.

Съ картины Венеціанова.

„Вдругъ посреди завыванья вѣтра и шума метелицы ему послышались крики; онъ оглянулся: въ мутныхъ волнахъ, между сугробами бѣжала сломя голову Дунька. Григорій поднялся на облучкѣ и погрозилъ ей:

„— Пошла, пострѣль, домой... пошла домой!.. замерзнешь... пошла домой!..“ Но ребенокъ не переставалъ бѣжать за нимъ съ тѣмъ же крикомъ и воплемъ. „Пошла домой! вотъ я-те... окаянную!..—продолжалъ отецъ. Дунька все бѣжала да бѣжала“.

Умерла Акулина—осталась Дунька, и ее ждетъ то же, что Акулину: то же горькое дѣтство, та же работа, тѣ же побои, то же насильное замужество; можетъ-быть, и за ея громомъ побѣжить дѣвочка съ плачемъ.

Но какъ ни тяжка жизнь Акулины, жизнь многихъ тысячъ крѣпостныхъ дѣтей и дѣвушекъ была еще тяжелѣе. Акулининъ помѣщикъ былъ не злой и хотъ навсегда загубилъ ея жизнь, выдавъ насильно замужъ, но все-таки сдѣлалъ это не по злобѣ, а потому, что хотѣлъ пристроить сироту.

А бывали помѣщики—настоящіе мучители дѣтей.

Объ одной такой помѣщицѣ рассказываетъ писатель Салтыковъ-Щедринъ въ своей большой книгѣ „Пошехонская старина“, гдѣ правдиво описана крѣпостная жизнь. Одинъ барченокъ съ матерью пріѣхалъ въ гости къ своей тетенькѣ-помѣщицѣ. Онъ побѣждалъ побѣгать по двору, и вотъ что онъ увидѣлъ:

„У конюшни, на кучѣ навоза, привязанная локтями къ столбу, стояла дѣвочка лѣтъ двѣнадцати и рвалась во всѣ стороны. Былъ уже часъ второй дня; солнце такъ и обливало несчастную своими лучами. Рои мухъ поднимались изъ навозной жижи, вились надъ ея головой и облѣпляли ея воспаленное, улитое слезами и слюною, лицо. По мѣстамъ образовались уже небольшія раны, изъ которыхъ сочилась сукровица. Дѣвочка терзалась, а тутъ же, въ двухъ шагахъ отъ нея, преспокойно гуторили два старика, какъ будто ничего необыкновеннаго въ ихъ глазахъ не происходило.

„Я самъ стоялъ въ нерѣшимости передъ смутнымъ ожиданіемъ отвѣтственности за непрошенное вмѣшательство... Однакожь сердце мое не выдержало; я тихонько подкрался къ столбу и протянулъ руки, чтобы развязать веревки.

„— Не тронь... тетенька забранить... хуже будетъ!—остановила меня дѣвочка.—Вотъ лицо фартукомъ оботри... Баринъ!.. миленькій!

Помѣщица съ приживалкою и крѣпостными дѣвушками.
Съ картичи Трутовскаго.

И въ то же время сзади меня раздался старческій голосъ:
„— Не суйся не въ свое дѣло, пащенокъ! И тебя къ столбу тетенька привяжетъ!“

Тогда, весь въ слезахъ, мальчикъ вбѣжалъ въ гостиную, гдѣ сидѣла его мать съ теткой. Ему досталось за вмѣшательство. Тетка сказала ему: „Въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ. Дѣвчонка провинилась, и я ее наказала. Она моя, и что я хочу, то съ ней и дѣлаю. Такъ-то“. А мать прибавила: „Разумѣется. И впередъ этого никогда не дѣлай. Тетенька слишкомъ добра, а я бы на ея мѣстѣ поставила тебя на колѣнки, и дѣло съ концомъ. И я бы не заступилась, а сказала бы: за дѣло!“

Такъ крѣпостное право приучало всѣхъ къ жестокости—и жалтъ крѣпостного было тогда преступленіемъ: если бы несчастную дѣвчонку попытался освободить не барченокъ, а кто-нибудь изъ крѣпостныхъ, его, за ослушаніе, помѣщица могла бы отдать въ солдаты или сослать въ Сибирь.

На поселеніе въ Сибирь помѣщики отправляли крѣпостныхъ иногда за самые пустяки, по случайному капризу, по непонятной прихоти.

Есть разсказъ И. С. Тургенева „Пунинъ и Бабуринъ“, изъ временъ крѣпостного права. Въ немъ разсказывается такой случай.

Чистили разъ крѣпостные у одной помѣщицы садъ.

„Проходя мимо рабочихъ, бабушка своимъ орлинымъ окомъ тотчасъ замѣтила, что одинъ изъ нихъ и усердствовалъ меньше прочихъ и шапку снялъ какъ будто нехотя. Это былъ еще очень молодой парень съ испитымъ лицомъ и впалыми, тусклыми глазами. Нанковый кафтанъ, весь порванный и запла-танный, едва держался на низкихъ его плечахъ.

„— Кто это?—спросила бабушка у Филиппыча.

„— Вы... про кого... изволите...—залепеталъ было Филиппычъ.

„— О, дуракъ! Я про этого говорю, что волкомъ на меня посмотрѣлъ. Вонъ стоитъ—не работаетъ.

„— Это-съ! Да-съ... Э... э... это Ермилъ, Павла Аванасьева покойнаго сынокъ.

„Этотъ Павелъ Аванасьевъ былъ лѣтъ десять тому назадъ мажордомомъ ¹⁾ у бабушки и пользовался особымъ расположе-

¹⁾ Мажордомъ—управитель, завѣдующій домашнимъ хозяйствомъ.

немъ, но внезапно впалъ въ немилость, такъ же внезапно превратился въ скотника, да и въ скотникахъ не удержался, покатился дальше кубаремъ, очутился, наконецъ, въ курной избѣ заглазной деревни на пудъ муки мѣсячины и умеръ отъ паралича, оставивъ семью въ крайней бѣдности.

„— Ага!— промолвила бабушка.— Яблоко, видно, недалеко отъ яблони падаетъ. Ну, придется распорядиться и съ этимъ. Мнѣ такихъ, что изподлобья смотрятъ, ненадобно.

„Бабушка вернулась домой—и распорядилась. Часа черезъ три Ермила, совершенно „снаряженного“, привели подъ окно ея кабинета. Несчастный мальчикъ отправлялся на поселеніе; за оградой, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, виднѣлась крестьянская телѣжка, нагруженная его бѣднымъ скарбомъ.

„Ермилъ стоялъ безъ шапки, понуривъ голову, босой, закинувъ за спину связанные веревочкой сапоги; лицо его, обращенное къ барскому дому, не выражало ни отчаянія, ни скорби, ни даже изумленія; тупая усмѣшка застыла на его безцвѣтныхъ губахъ; глаза, сухіе и съезженные, глядѣли упорно въ землю. Бабушкѣ доложили о немъ. Она встала съ дивана, подошла, чуть шумя шелковымъ платьемъ, къ окну кабинета и, приложивъ къ переносицѣ золотой двойной лорнетъ, посмотрѣла на новаго ссыльнаго“.

Напрасно заступился за Ермила вольнонаемный жалостливый и справедливый конторщикъ Бабуринъ: бабушка велѣла разсчитать его за то, что вмѣшался въ ея распоряженія.

„— Чего жъ Ермилка ждетъ? — прибавила она, снова глянувъ въ окно.— Я его осмотрѣла. Ну, чего еще?—Бабушка махнула платкомъ въ направленіи окна, какъ бы прогоняя докучливую муху.— Ступайте всѣ, люди, вонъ!

„Всѣ мы удалились, всѣ, кромѣ казачка-дневальнаго, къ которому слова бабушки не относились, потому что онъ не былъ „человѣкъ“.

Писатель И. С. Тургеневъ, написавшій «Записки охотника», въ которыхъ превосходно изобразилъ тяжелое положеніе крѣпостныхъ. Эта книга Тургенева, повліявшая на многихъ людей въ смыслѣ возбужденія ихъ противъ крѣпостного права, говорила, имѣла глубокое вліяніе и на императора Александра II, освободившаго крестьянъ.

Кто подсчиталъ, сколько дѣтей, отроковъ, юношей было замучено до смерти въ безконечные жестокіе крѣпостные годы!..

„Это было въ самое мрачное время крѣпостного права.

„Былъ въ началѣ столѣтія (XIX-го) одинъ генералъ, генералъ со связями большими и богатѣйшій помѣщикъ, но изъ такихъ, которые, удаляясь на покой со службы, чуть-чуть не были увѣрены, что выслужили себѣ право на жизнь и смерть своихъ подданныхъ. Ну, вотъ живетъ генералъ въ своемъ помѣстьи въ двѣ тысячи душъ, чванится.. Псарня съ сотнями собакъ и чуть не сотня псарей, всѣ въ мундирахъ, всѣ на коняхъ. И вотъ дворовый мальчикъ, маленькій мальчикъ, всего восьми лѣтъ, пустилъ какъ-то играя камень и зашибъ ногу любимой генеральской гончей. „Почему собака моя любимая охромѣла?“ Докладываютъ ему, что вотъ, дескать, этотъ самый мальчикъ камнемъ въ нее пустилъ и ногу ей зашибъ. „А, это ты,—оглядѣлъ его генералъ,—взять его!“ Взяли его, взяли у матери, всю ночь просидѣлъ въ кутузкѣ, на утро чѣмъ свѣтъ выѣзжаетъ генералъ во всемъ парадѣ на охоту, сѣлъ на коня, кругомъ его приживальщики, собаки, псари, ловчіе, всѣ на коняхъ. Вокругъ собрана дворня для назиданія, а впереди всѣхъ мать виновнаго мальчика. Выводятъ мальчика изъ кутузки. Мрачный, холодный, туманный осенній день, знатный для охоты. Мальчика генералъ велитъ раздѣть, ребеночка раздѣваютъ всего донага, онъ дрожитъ, обезумѣлъ отъ страха, не смѣетъ пикнуть... „Гони его!“—командуетъ генералъ. — „Бѣги, бѣги!“—кричатъ ему псари.—Мальчикъ бѣжитъ... „Ату его!“ вопитъ генералъ и бросаетъ на него всю стаю борзыхъ собакъ. Затравилъ въ глазахъ матери, и псы растерзали ребенка въ клочки!“

Этотъ разсказъ взятъ изъ романа Ф. М. Достоевскаго, но то, что здѣсь описано, случилось въ дѣйствительности.

Только въ дѣйствительности собаки были жалостливѣе людей: когда спустили стаю собакъ, онѣ сначала не трогали мальчика. Мать мальчика два раза пыталась унести ребенка, и дважды у ней отнимали его, и вновь пускали псовъ. Мальчикъ былъ растерзанъ. Мать помѣшалась отъ горя и умерла.

Одинъ рязанскій помѣщикъ взялъ съ собой на охоту мальчика, чтобы тотъ помогалъ выслѣживать дичь, то-есть чтобы былъ чѣмъ-то въ родѣ собаки-ищейки. Мальчикъ не доглядѣлъ и пропустилъ зайца. Помѣщикъ сбилъ его съ ногъ прикладомъ

ружья, кинулъ на землю, и билъ въ грудь и животъ, задыхавшись отъ гнѣва: „Издыхай, скотина!“ Когда возвращались съ охоты, мальчикъ валился отъ слабости и боли съ дрожекъ. Помѣщикъ столкнулъ его съ дрожекъ: „Ну, издыхай скорѣе!“ Мальчикъ скончался черезъ три дня.

Надругательство надъ людьми, страсть къ мучительству отъ взрослыхъ переходила часто и къ дѣтямъ помѣщиковъ.

Въ запискахъ одной крѣпостной женщины рассказывается такой случай:

Дворовыхъ дѣвушекъ и дѣвочекъ сажали въ одной комнатѣ и заставляли заниматься рукодѣльемъ съ раннего утра и до позднего вечера. Дѣвушки и дѣвочки всѣ сидѣли за работой босыя. Въ комнату прокрадывался барчукъ, залѣзалъ подъ столъ, за которымъ работали дѣвушки, и кололъ тамъ босыя ноги дѣвочекъ иголками, подползая отъ одной къ другой. Дѣвушки и дѣвочки, блѣднѣя отъ боли, не смѣли кричать, чтобы ихъ не наказали за то, что помѣшали забавляться барчуку. Кровь капала съ ногъ на полъ, а дѣвушки не смѣли двинуть ногами, чтобы не задѣть босыми ногами барчука по лицу. Только вошедшій управляющій прекратилъ забаву барчука.

Такъ въ мучительствѣ, побояхъ, тяжкомъ трудѣ протекала жизнь крѣпостныхъ дѣтей, и такъ же протекала затѣмъ вся ихъ жизнь:

Дѣтей не учили, школъ не было, помѣщики вовсе не открывали въ деревнѣ школъ, а если гдѣ и отдавали дѣтей учиться къ дьячку или старому солдату какому-нибудь, то тамъ дѣти едва выучивались читать, а побоевъ и наказаній получали безъ конца. Дѣтей за всякую малую шалость и проказу ставили голыми колѣнками на горохъ, били по рукамъ линейкой, сѣкли розгами и думали, что въ битѣ-то и есть главная наука.

Всѣ свои дѣтскія радости крѣпостныя дѣти получали только отъ родной природы—отъ поля, лѣса, отъ рѣчки, отъ снѣга: только тутъ, отправившись по ягоды или по грибы, купаясь въ рѣчкѣ, или сидя за костромъ въ полѣ въ „ночномъ“, или катаясь на салазкахъ со снѣжныхъ горъ, крѣпостныя дѣти были свободными дѣтьми.

А между тѣмъ среди нихъ, забытыхъ, голодныхъ, безпризорныхъ, обреченныхъ навсегда носить тяжкую долю темнаго раба, выходили, съ великимъ трудомъ, люди одаренные талан-

томъ, умомъ, способностями къ наукѣ и искусству, а сколько такихъ дѣтей погибло въ темные крѣпостные годы, не выбившись на волю, замученныя рабствомъ и рабскимъ трудомъ!

III.

Въ первой половинѣ прошлаго (XIX-го вѣка) въ московскомъ Маломъ театрѣ былъ знаменитый артистъ Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ. Онъ отличался выдающимся талантомъ и необыкновенно свѣтлымъ умомъ и добротою. Онъ былъ близкимъ другомъ Гоголя, Герцена, Бѣлинскаго; Шевченко и другихъ знаменитыхъ писателей описывать его; жизнь собирался самъ Пушкинъ.

А между тѣмъ, если бъ не исключительно счастливый случай, на свѣтѣ вовсе не было бы Щепкина, не было бы благодаря тому, что мать его была крѣпостная. Отецъ Щепкина былъ крѣпостной челоувѣкъ графа Витгенштейна. И отецъ и мать будущаго знаменитаго артиста были преданы своимъ господамъ, такъ какъ тѣ, дѣйствительно, были люди добрые и не мучили своихъ крѣпостныхъ. Но изъ-за этого-то рабскаго послушанія господамъ, изъ-за боязни не исполнить ихъ приказанія, маленькій Щепкинъ едва не лишился жизни.

„Однажды (когда мнѣ было не болѣе восьми-недѣль),— рассказываетъ Щепкинъ,—мать моя, которая, оправившись отъ родовъ, должна была неотлучно находиться при графинѣ, прибѣжала въ свою комнату, чтобы меня выкупать, и только начала мыть—пришелъ посоль отъ графини, чтобы какъ можно скорѣе шла къ ея сіятельству. Будучи всегда точной исполнительницей воли господъ, она, не размышляя о послѣдствіяхъ, оставила меня въ теплой водѣ, и, прося золовку окончить начатое ею, сама тотчасъ отправилась къ графинѣ. Золовка или не вслушалась въ просьбу матери, или, можетъ-быть, захлопотавшись по хозяйству, забыла; только три часа спустя, мать моя, возвратясь домой, нашла меня въ томъ же самомъ положеніи, какъ оставила, покойно спящаго въ довольно уже холодной водѣ. Она сначала испугалась, а потомъ обрадовалась, видя минувшую опасность.“

Но какъ великъ долженъ быть страхъ предъ господами, чтобы мать могла бросить восьминедѣльнаго ребенка въ водѣ, гдѣ такъ легко могъ онъ захлебнуться!

Но господа, владѣвшіе Щепкинымъ, были люди добрые и не очень мѣшали выйти мальчику на его настоящую дорогу—стать артистомъ, хотя ничѣмъ и не помогали ему.

Не то было съ другимъ крѣпостнымъ мальчикомъ, ставшимъ впослѣдствіи великимъ народнымъ украинскимъ поэтомъ, съ Тарасомъ Григорьевичемъ Шевченко, который былъ другомъ Щепкина.

Его доля была поистинѣ горькая доля.

Выбраться къ свѣту стоило ему великаго труда и многихъ мученій.

Тарась Григорьевичъ Шевченко родился 25 февраля 1814 г., въ Кіевской губерніи. Родители его были крѣпостные крестьяне у помѣщика Энгельгардта. Жили они тѣсно и бѣдно; работы на помѣщика было столько, что—по признанію самого Шевченко—не было даже времени для молитвы. Мать у Шевченко умерла рано. Его, малыша, отдали на присмотръ его сестры Катерины, но и самой - то Катеринѣ было всего десять лѣтъ, ей бы самой еще нужна была нянька, а тутъ ей приходилось не только няньчить маленькаго брата, но, кромѣ того, вести все хозяйство. Маленькій Тарась росъ на волѣ Божьей. По цѣлымъ днямъ бродилъ онъ, запасшись ломтемъ чернаго хлѣба, по полямъ и лѣсамъ, или разгуливалъ по деревнѣ. Съ трехлѣтняго возраста былъ онъ уже какъ большой: безъ надзора и призора. На восьмомъ году отдали Тараса въ школу, гдѣ училъ неслужашій священникъ. Засадилъ Тараса за букварь, за скучные азы (буки-азъ—ба), частенько били и наказывали. Но въ школѣ не долго пришлось пробыть Тарасу: едва онъ научился читать псалтирь, его взяли оттуда и стали приучать къ ремеслу. Дѣло это не пошло; тогда отдали Тараса въ пастухи

Знаменитый актеръ изъ крѣпостныхъ,
М. С. Щепкинъ.

Съ портрета, написаннаго Шевченко.

пасти общее деревенское стадо. Тарасъ былъ очень смышленъ, весель, былъ бойкій, рѣзвый мальчикъ, и трудно ему было смотрѣть, не отрываясь, за скотомъ. Онъ подолгу, сидя неподвижно, любовался полями и лѣсомъ или распѣвалъ народныя пѣсни, а ихъ зналъ онъ очень много; тѣмъ временемъ стадо разбредалось въ разныя стороны, сами хозяева отправлялись искать скотъ, Тараса били.

Вскорѣ послѣ смерти матери Тараса, его отецъ женился вторично: не управиться было ему одному съ малыми дѣтьми; у мачехи же были тоже дѣти, отъ перваго мужа. Она невзлюбила Тараса: онъ частенько задиралъ ея сына, Степана. Невесело жилось въ семьѣ: то дѣти дрались между собой, то отецъ вздорилъ съ мачехой.

Отецъ во второй разъ отдалъ Тараса въ школу. Еще хуже попался учитель дьячокъ — пьяница и крутой человѣкъ. Онъ такъ билъ Тараса, что тотъ изъ-за побоевъ по нѣскольку дней не могъ ходить въ школу. Вскорѣ умеръ отецъ Шевченко, схвативъ простуду весною на барской работѣ. Тарасу ничего онъ не отказалъ, а сказалъ только: „выйдетъ изъ него или замѣчательный человѣкъ или большой негодяй“. Вышло первое.

Еще хуже стало житье мальчика. Мачеха придиралась къ нему и жестоко наказывала. Однажды она обвинила Тараса въ кражѣ денегъ у захожаго солдата, и хотъ денегъ у него не нашли, такъ какъ онъ и не бралъ ихъ вовсе, его сѣкли до полусмерти розгами, а потомъ заперли, безъ сознанія, въ темномъ амбарѣ.

Бродилъ Тарасъ всюду босой, въ одной рубахѣ, безъ шапки; случалось ему и голодать. Школу, какъ ни плоха была она, онъ не бросалъ: онъ отлично читалъ и его нанимали читать псалтирь надъ покойниками, а за это изъ десяти полученныхъ копеекъ дьячокъ отдавалъ ему одну, да и кормилъ его въ эти дни.

Ученики ненавидѣли учителя за жестокость, придиричивость, несправедливость и всячески старались отплатить ему тѣмъ же. Однажды Шевченко засталъ учителя пьянаго до безчувствія; онъ прибилъ учителя, желая ему отомстить за несправедливые побои, взялъ у дьячка книжку съ картинками и убѣжалъ изъ школы въ сосѣднее мѣстечко. Мальчику страстно хотѣлось учиться живописи. Всякая картина была для него драгоцѣнность. Онъ на послѣдніе гроши приобрѣталъ бумагу и рисовалъ на ней безъ конца.

Въ мѣстечкѣ онъ поступилъ въ ученье къ маляру-дьякону, надѣясь отъ него научиться живописи. Но дьяконъ заставлялъ его дѣлать только черную работу и ничему не научилъ. Тогда Шевченко бѣжалъ въ село Тарасовку къ дьячку-маляру, но и тутъ потерпѣлъ неудачу: дьячокъ-маляръ нашель, что у Шевченко нѣтъ ни къ чему никакихъ способностей и не взялъ его въ ученье.

Съ горя онъ поступилъ въ работники къ священнику въ родномъ селѣ. Ему хорошо жилось у добраго священника, но страсть къ живописи взяла свое: онъ опять отправился въ одно село, чтобы поступить ученикомъ къ мѣстному маляру. Этотъ маляръ понялъ, что у Шевченко большія способности и сильная охота, но потребовалъ, прежде чѣмъ взять его въ ученье, разрѣшенія на то отъ помѣщика, которому принадлежалъ Тарасъ, Энгельгардта. Если бы маляръ принялъ Тараса безъ такого разрѣшенія, его могли бы обвинить въ томъ, что онъ укрываетъ у себя бѣглого крѣпостного; и сильно наказать за это.

Пошелъ Шевченко за разрѣшеніемъ въ контору Энгельгардта, которая завѣдывала всѣми его имѣніями. Управляющій, разговаривая съ Шевченко, понялъ, что Тарасъ—способный, бойкій и расторопный юноша, а потому годенъ для услугъ помѣщику, и не далъ Шевченко разрѣшеніе поступить въ ученье къ маляру, а вмѣсто того опредѣлилъ его на кухню, къ повару, обучаться поваренному искусству. Такъ вмѣсто художника приходилось Тарасу стать поваромъ. Но повара изъ него не вышло. Тогда сдѣлали его „казачкомъ“, то-есть лакеемъ, комнатнымъ слугою при баринѣ. Казалось, навсегда суждено было остаться Шевченко темнымъ рабомъ, холопомъ своего господина.

Т. Г. Шевченко, малороссійскій поэтъ, описывавшій въ сильныхъ стихахъ положеніе крѣпостныхъ и жизнь ихъ господъ-помѣщиковъ и самъ испытавшій въ дѣтствѣ всю тяжесть крѣпостной неволи.

Отправили его въ Вильно, гдѣ жилъ помѣщикъ.

Какъ жилось Шевченко въ казачкахъ, онъ самъ разсказалъ чрезъ много лѣтъ въ запискѣ о своей жизни:

„Баринъ мой былъ человѣкъ дѣятельный: безпрестанно ѣздилъ то въ Кіевъ, то въ Вильно, то въ Петербургъ и таскалъ за собою въ обозѣ и меня для сидѣнія въ передней, набиванія трубки и т. п. Нельзя сказать, чтобы я тяготился моимъ тогдашнимъ положеніемъ; оно теперь (1860 г.) приводитъ меня въ ужасъ и кажется какимъ-то дикимъ и несвязнымъ сномъ. Странствуя съ своимъ баринѣмъ съ одного постоялаго двора на другой, я пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ украсть со стѣны лубочную картинку и составилъ себѣ такимъ образомъ драгоценную коллекцію. Не жажда стяжанія управляла мною, а непреодолимое желаніе срисовать съ нихъ, какъ только возможно, вѣрныя копіи.“

Однажды вечеромъ баринъ уѣхалъ на балъ. Пользуясь недолгой свободой, Шевченко усѣлся въ передней съ рисовальными принадлежностями и сталъ срисовывать съ портрета одного генерала. Онъ съ такимъ увлеченіемъ отдался своей работѣ, что и не замѣтилъ, какъ вернулся баринъ. Заставъ казачка Тараса за работой, баринъ съ гнѣвомъ отодралъ его за уши, отхлесталъ по щекамъ, а на утро приказалъ выстѣчь розгами.

Все время Шевченко умолялъ своего господина отдать его въ ученіе къ живописцу. Баринъ не обращалъ вниманія на просьбы. Казачкамъ было запрещено пѣть; они должны были молча и неподвижно сидѣть въ углу въ передней, ожидая барскихъ приказовъ. Шевченко, тоскуя, напѣвалъ про себя грустныя родныя пѣсни.

Наконецъ, понявъ, что изъ Шевченко никогда не выйдетъ хорошаго лакея, баринъ отдалъ его въ обученіе къ живописцу въ Варшаву, а потомъ въ Петербургъ, на четыре года, къ „живописныхъ дѣлъ мастеру“ Ширяеву.

Этотъ Ширяевъ ничему не могъ научить Тараса, заставлялъ его красить заборы и крыши, кормилъ очень плохо, обращался съ нимъ грубо. Часто, отправляясь на работу, Шевченко проходилъ Лѣтнимъ садомъ, гдѣ стоитъ множество мраморныхъ статуй. По ночамъ, такъ какъ днемъ онъ былъ занятъ работой, Шевченко отправлялся въ Лѣтній садъ срисовывать статуи. Тамъ онъ познакомился со своимъ землякомъ, художникомъ Сошенко.

Счастье улыбнулось Тарасу. Сошенко свелъ его съ другими художниками, въ томъ числѣ со знаменитымъ художникомъ Брюлловымъ. Всѣ они поняли, какимъ талантомъ былъ надѣленъ Тарасъ, и рѣшили помочь ему и освободить изъ-подъ власти помѣщика. Напрасно они просили Энгельгардта, барина Шевченко, и доказывали ему, что совѣсть и честь требуютъ, чтобы онъ освободилъ Шевченко: Энгельгардтъ соглашался это сдѣлать лишь за 2.500 рублей выкупа. Денегъ не было. Тогда Брюлловъ написалъ портретъ поэта Жуковского, его разыграли въ лотерею и выручили нужныя деньги. 22 апрѣля 1838 г. деньги были отданы Энгельгардту, и Шевченко сталъ свободенъ. Ему было тогда 24 года. Онъ сдѣлался хорошимъ художникомъ, но болѣе всего прославился какъ народный поэтъ, въ своихъ пѣсняхъ и думахъ изображавшій страдальческую жизнь родного своего украинскаго народа, всѣ его скорби и радости.

Шевченко не пришлось дожить нѣсколькихъ дней до радостнаго дня освобожденія крестьянъ: онъ умеръ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, 26-го февраля 1861 года, а манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, подписанный Императоромъ Александромъ II 19-го февраля, былъ объявленъ лишь 5 марта.

Еще задолго до смерти, предчувствуя, что не дожить ему до общей воли, Шевченко писалъ:

Какъ умру я—схороните
 На Украинѣ милой;
 Пусть курганъ въ степи широкой
 Будетъ мнѣ могилой.
 Мнѣ оттуда будутъ видны
 Днѣпръ, луга и кручи;
 Будетъ слышно, какъ волнами
 Днѣпръ реветъ могучій...
 Схоронивъ, соединитесь
 Въ братствѣ вольномъ, новомъ
 И меня не позабудьте
 Вспомнить добрымъ словомъ!

И десятки тысячъ людей помнили народнаго поэта, страдавшаго въ дѣтствѣ и юности въ неволѣ, оплакивавшаго народное горе, радовавшагося народной радости, въ дни, когда свершилось паденіе крѣпостной неволи, и особенно вспомнять его теперь, когда будетъ праздноваться 50-лѣтіе этого свѣтлаго дня.

IV.

Въ деревнѣ, въ курныхъ, дымныхъ избахъ росли крѣпостныя дѣти, въ тѣсныхъ дѣвичьихъ и въ переднихъ,—а рядомъ въ барскомъ домѣ росли помѣщичьи дѣти, будущіе владыки и хозяева крѣпостныхъ дѣтей. Вырастали изъ числа этихъ барчу-

Писатель Радищевъ, который первый описалъ всѣ ужасы крѣпостного права въ книгѣ своей «Путешествіе изъ Москвы въ Петербургъ» и этимъ положилъ начало литературѣ противъ крѣпостного права.

ковъ и барышень, барскихъ дѣтей, порою жестокіе помѣщики и мучители, въ родѣ того барчука, который кололъ иголками босыя ноги дѣвочекъ и дѣвушекъ. Но изъ числа этихъ же барчуковъ вырастали будущіе великіе работники крестьянскаго освобожденія.

Кормилицами и нянями у барскихъ дѣтей были крѣпостныя женщины. И сколько любви, вниманія, труда перенесли эти рабыни на господскихъ дѣтей, на своихъ выкормышей и выходковъ! Почти каждый русскій писатель, вышедшій изъ барскихъ дѣтей, съ безконечною любовью вспоминалъ впослѣдствіи своихъ нянь,

мамушекъ и кормилицъ.

Пушкинъ тосковалъ по своей нянѣ Аринѣ Родіоновнѣ больше, чѣмъ по всѣмъ своимъ роднымъ.

Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!

называлъ онъ ее. Отъ нея выучился онъ русскому языку (родные его, мать и отецъ, говорили только по-французски), научился отъ нея чудеснымъ русскимъ народнымъ пѣснямъ и сказкамъ, она пріучила его уважать и любить простой трудящійся народъ и понимать народную душу. Съ нимъ не разлучалась няня въ самые тяжелые одинокіе годы его жизни.

Другой русскій поэтъ, Полонскій, такъ вспоминалъ о своей

крѣпостной нянѣ, которая сама поступила няньчить его еще ребенкомъ:

Ты дѣвчонкой крѣпостной,
 По дорогѣ столбовой,
 Къ намъ съ обозомъ притащилася;
 Долго плакала, дичилася...
 Чуть я началъ подрастать,
 Стали няню выбирать,
 И тебя ко мнѣ приставили...
 Славной няней ты была:
 Скоро въ роль свою вошла;
 Тербила меня за-воротъ,
 Да гулять водила за-городъ,
 Съ горокъ скатывалась,
 Въ рожь запрятывалась.
 Разъ,—я помню, при огнѣ,
 Ты чулки вязала мнѣ,—
 (Или платьѣ свое штопала)
 Къ намъ метель въ окошко хлопала,
 Пѣснь затыгивала,—
 Сердце вздрагивало.
 Ты жъ другую пѣсню мнѣ
 Напѣвала при огнѣ:
 „Ай, кипятъ котлы кипучіе!..“
 Помню сказки я пѣвучія,
 Сказки всяческія,—
 Не ребяческія.
 А какъ въ школу поступилъ,
 Я читать тебя училъ:
 Ты за мной твердила „Вѣрую“...
 И потомъ молилась съ вѣрою,
 Съ воздыханіями,
 Съ причитаніями.

И вотъ дѣвочка-нянька стала дряхлою старушкою, а выходокъ ея—старикомъ.

Черезъ тридцать лѣтъ домой
 Я вернулся, и слѣпой
 Ужъ засталъ тебя старушкою
 Въ темной кухнѣ, съ чайной кружкою,—
 Ты догадывалась,
 Слезно радовалась...
 И когда я легъ вздремнуть,
 Ты пришла меня разуть,
 Какъ дитя свое любимое,
 Старика, въ гнѣздо родимое
 Воротившагося,
 Истомившагося...

И восклицаетъ старикъ-выходокъ старушкѣ крѣпостной нянѣ своей:

Ты мнѣ близка, безродная,
Въ самомъ рабствѣ благородная,
Не оплаченная
И утраченная!

Одна писательница, В. Н. Фигнеръ, родомъ изъ помѣщичьей семьи, такъ вспоминала свою няню: „Дѣвочкой лѣтъ 6 взяли ее

къ дѣдушкѣ, не столько, чтобъ смотрѣть, сколько, чтобъ играть съ нимъ: ему было года 3 или 4. Выросъ дѣдушка — выросла и няня; его отдали въ ученье, а ее—въ дѣвичью учиться всякимъ рукодѣляемъ и домашнимъ искусствамъ. Когда дѣдушка женился на бабушкѣ—няню отдали молодымъ. Родилась мамочка, родился братъ ея и три сестры... Всѣхъ ихъ вынянчила няня. Выросла мамочка и вышла за папочку — няню отдали имъ. Родился братъ Саша... родилося и еще шесть человекъ,— всѣхъ восьмерыхъ вынянчила няня и могла бы нянчить и моихъ дѣтей!“ Эта же писательница говоритъ, что когда, послѣ долгихъ лѣтъ, она приѣхала на родину и пошла на могилки, гдѣ

были похоронены ея отецъ, тетя и няня, самой дорогой могилкой была для нея та, гдѣ лежала ея няня.

Не отъ однѣхъ только нянь видѣли столько любви и добра помѣщичьи дѣти, но и отъ другихъ крѣпостныхъ, отъ тѣхъ,

но и отъ другихъ крѣпостныхъ, отъ тѣхъ,

съ которыми приходилось сталкиваться барчатамъ, и глубокая жалость закрадывалась въ ихъ сердца. Добру и любви къ людямъ часто учили крѣпостные рабы своихъ будущихъ владѣльцевъ и владыкъ.

Раньше здѣсь было разсказано, какъ одна помѣщица ни за что, ни про что сослала мальчика Ермила на поселенье и какъ за него вступился вольнонаемный конторщикъ Бабуринъ. Бабушка - помѣщица разочла Бабурина. Все это видѣлъ ея внучекъ, барченокъ: и какъ ссылала она на поселенье ни въ чемъ неповиннаго мальчика, и какъ прогнала справедливаго Бабурина.

Барченокъ плакалъ отъ жалости. Сядясь въ тарантасъ, Бабуринъ сказалъ ему: „Урокъ вамъ, молодой господинъ; помните нынѣшнее происшествіе и, когда вырастете, постарайтесь прекратить таковыя несправедливости. Сердце у васъ доброе, характеръ еще неиспорченный... Смотрите, берегитесь: этакъ вѣдь нельзя!“

„Сквозь слезы, обильно струившіяся по моему носу, по губамъ, по подбородку, — рассказываетъ самъ барчукъ, — я пролепеталъ, что буду, — буду помнить, что общаюсь... сдѣлаю... непременно... непременно“.

Разсказъ, изъ котораго взята эта сцена, написалъ И. С. Тургеневъ. Съ нимъ такъ и было въ жизни. Еще маленькимъ мальчикомъ онъ мучился тѣмъ, что его мать и окружающіе помѣщики такъ мучаютъ крѣпостныхъ, и поклялся, что будетъ бороться съ крѣпостнымъ правомъ. Онъ такъ и сдѣлалъ: онъ писалъ прекрасныя книги, въ которыхъ съ любовью рисовалъ жизнь

М. Ю. Лермонтовъ.

простого великодушнаго русскаго народа и обличалъ ужасы крѣпостнаго произвола, жестокость помѣщиковъ. („Записки охотника“, „Муму“ и др.).

Другой русскій писатель, М. Ю. Лермонтовъ, еще ребенкомъ, кидался съ кулачками на свою бабушку, когда она бранила или была крѣпостныхъ своихъ, желая ихъ защитить отъ нея.

Знаменитый писатель А. И. Герценъ, издававшій за границей журналъ, гдѣ онъ всячески горячо доказывалъ необходимость освободить крестьянъ, получилъ ненависть къ крѣпостному праву еще въ дѣтствѣ, отъ своей няни.

„Бывало,—вспоминалъ онъ,—когда я былъ еще ребенкомъ, Вѣра Артамоновна (няня), желая меня сильно обидѣть, говорила мнѣ: „Дайте срокъ, вырастите, такой же баринъ будете, какъ и другіе“. Упреки няни глубоко запали въ сердце мальчика—и всю жизнь онъ былъ горячимъ защитникомъ челоуѣка отъ всякой неволи и неправды.

Другой писатель, князь А. Кропоткинъ, рассказываетъ такой случай:

Писатель А. И. Герценъ, горячими статьями своими много боровшійся противъ крѣпостного права.

Однажды, разсердившись на прислуживавшаго за столомъ челоуѣка, дворецкаго Макара, старый князь велѣлъ отодрать его на конюшнѣ.

„Бьетъ четыре. Мы всѣ спускаемся къ обѣду, но ни у кого нѣтъ охоты ѣсть. Никто не дотрогивается до супа.

„— Гдѣ Макаръ?—спрашиваетъ мачеха. — Позовите его.

„Макаръ не является, и приказъ отдается снова. Входитъ Макаръ, блѣдный, съ искаженнымъ лицомъ, пристыженный, съ опущенными глазами. Отецъ глядитъ въ тарелку. Мачеха, видя, что

никто изъ насъ не дотронулся до супа, пробуетъ оживить насъ.

— Не находите ли вы, дѣти,—говоритъ она по-французски,—что супъ сегодня превосходный?..

„Слезы душатъ меня. Послѣ обѣда я выбѣгаю, нагоняю Макара въ темномъ коридорѣ и хочу поцѣловать его руку, но онъ вырываетъ ее и говорить, не то съ упрекомъ, не то вопросительно:

„— Оставь меня; небось, когда вырастешь, и ты такой же будешь!

„— Нѣтъ, нѣтъ, никогда!“

Вотъ изъ такихъ-то помѣщичьихъ дѣтей, барчуковъ, подъ вліяніемъ многострадальныхъ ихъ дворовыхъ нянь, товарищей — крестьянскихъ дѣтей, выходили борцы противъ крѣпостного права. Число людей, понимавшихъ ужасъ и неправду владѣнія рабами, единовѣрными братьями-христіанами, увеличивалось. Одни изъ сторонниковъ освобожденія стояли за него изъ христіанскаго чувства любви къ обращеннымъ въ

Императоръ Александръ II.

рабство братьямъ. Другіе понимали, что съ крѣпостнымъ правомъ обѣднѣтъ Россія, чаще и чаще будутъ повторяться голодные годы. Трудъ крестьянина — раба всегда хуже труда свободнаго человѣка: тотъ, кто работаетъ изъ-подъ плети, безъ всякой награды, безъ пользы для себя не можетъ работать хорошо. Многіе помѣщики понимали это, и отпускали своихъ крѣпостныхъ на *оброкъ*: крестьяне должны были платить помѣщику ежегодно опредѣленную сумму денегъ, а сами могли работать, гдѣ хотѣли—или занимались земледѣліемъ въ деревнѣ, или уходили въ городъ на разные промыслы. Пользуясь даровымъ крѣпостнымъ трудомъ, помѣщики не заводили никакихъ улучшеній въ хозяйствѣ: не удобряли землю, не приобрѣтали лучшихъ сельскохозяйственныхъ орудій; отъ этого земля истощалась, сокращались урожаи, бѣднѣла страна. Тѣ же помѣщики, которые заводили улучшенія въ хозяйствѣ или начали открывать фабрики, замѣчали, что вести ихъ хорошо невозможно при крѣ-

стномъ трудѣ, при темнотѣ и невѣжествѣ крѣпостныхъ крестьянъ. Такъ большинству разумныхъ людей становилась все яснѣе необходимость освобожденія крестьянъ: однимъ изъ требованій ихъ совѣсти и справедливости, другихъ—изъ соображеній разсудка и пользы.

Къ тому же недовольство крестьянъ все росло. Все чаще становились ихъ возмущенія и бунты противъ помѣщиковъ. Особенно усилилось общее недовольство послѣ тяжкой и долгой крымской войны, въ которой Россія была побѣждена. Требования освободить крестьянъ раздавались все громче. Самъ Императоръ Александръ II желалъ этого освобожденія. Онъ образовалъ нѣсколько совѣщаній съ нѣкоторыми помѣщиками и чиновниками о томъ, какъ освободить крестьянъ; совѣщанія продолжались нѣсколько лѣтъ. Наконецъ, было рѣшено освободить всѣхъ крестьянъ, надѣливъ ихъ землею, отрѣзанной отъ помѣщичьихъ земель; помѣщикамъ же выдать за взятые земли вознагражденіе, которое затѣмъ, постепенно, крестьяне должны были выплатить, правительству. И вотъ, несмотря на всѣ усилія помѣщиковъ-крѣпостниковъ, старавшихся, чтобъ крѣпостное право осталось по-старому, 19-го февраля 1861 года Императоръ Александръ II подписалъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ изъ-подъ власти помѣщиковъ. 5-го марта этотъ манифестъ былъ объявленъ народу.

Быстро разлетѣлась благая вѣсть по всей Россіи.

Грамотныхъ людей тогда было больше среди молодыхъ, чѣмъ среди взрослыхъ и стариковъ, и часто крѣпостныя дѣти, умѣвшія читать по складамъ, являлись вѣстниками освобожденія для всего села, читая освободительный манифестъ неграмотнымъ.

Одно такое чтеніе ребенкомъ-дѣвочкой манифеста, освобождавшего крестьянъ, описалъ въ прекрасномъ стихотвореніи А. Н. Майковъ:

Посмотри: въ избѣ, мерца,
Свѣтитъ огонекъ;
Возлѣ дѣвочки-малютки
Собрался кружокъ;
И съ трудомъ, отъ слова къ слову
Пальчикомъ вода,
По-печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.
Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ;
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребятъ.

Чтение манифеста.

Съ картины Мясоедова.

Бабы суютъ дѣтямъ соску,
Чтобы ротъ заткнуть,
Чтобъ самимъ хоть краемъ уха
Слышать что-нибудь.
Даже съ печи не слѣзавшій
Много, много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смотреть,
Хоть не слышитъ, дѣдъ.
Что жъ такъ слушаютъ малютку,—
Аль ужъ такъ умна?..
Нѣтъ! одна въ семьѣ умѣетъ
Грамотѣ она.
И пришлось ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть.

С. Дурылинъ.

Малороссійскій народный слѣпой
пѣвецъ — кобзарь и его поводырь
мальчикъ.

Изъ Т. Г. Шевченко.

Еще, бывало, въ школѣ,—
Училъ у насъ дячокъ,—
Стащу украдкой пяточокъ
У дяка—поневолю:
Я былъ что нищій,—да куплю
Листокъ бумаги, да сошью
Тетрадочку. Крестами,
Узорами, цвѣтами

Кругомъ листочки обведу,—
Рисую въ ней Сквороду ¹⁾
Аль „Трехъ волхвовъ съ дарами“ ²⁾,
Да заберусь одинъ въ бурьянъ,
Чтобъ не узнали, не прогнали,
Рисую тамъ, да плачу, плачу.

С.

¹⁾ Григорій Саввичъ Скворода—народный украинскій мудрецъ.

²⁾ „Три волхва принесли родившемуся Христу дары: золото, ливанъ и смирну“.

Журавли летятъ.

Съ картины Степанова.

Журочка.

Насъ было четверо. Мы были дики: отца боялись, мать не замѣчали, старую няньку считали рабой и потѣшались надъ ея старостью и медлительностью движеній, когда она съ испуганнымъ лицомъ и полуоткрытымъ ртомъ безпомощно махала руками, стараясь унять нашу крикливую игру: бѣготню по комнатамъ, прыганье съ платяного шкафа на кровать, или катанье на высокой двери, съ которой мы какъ-то ухитрились перебираться на круглую желѣзную печь.

Въ нашемъ маленькомъ мѣрѣ жили страшные колдуны, которыхъ возили хоронить по ночамъ, въ гробахъ съ желѣзными обручами, отважные солдаты; жили вѣщіе пѣтухи, мѣшающіе страшной и темной силѣ; лохматыя, костлявыя вѣдьмы, мчашіяся на помелахъ, и разбойники. Казалось, они одни заполняли весь живой мѣръ и въ немъ совсѣмъ не было людей, хотя мы и жили въ большомъ миллионномъ городѣ.

Фантазія няньки, не знавшая предѣловъ, какъ только поднималась къ небу, въ зловѣщихъ, объятыхъ огнемъ, краскахъ, передавала намъ муки грѣшниковъ, и мы, оглушенные грохотомъ адскаго пламени, нѣмѣли отъ ужаса передъ чудовищами ада. Въ блѣдномъ туманѣ ходили передъ нами праведники

и опять, какъ на землѣ, передъ нами были лишь смутныя тѣни.

Мнѣ было восемь лѣтъ, и я знала отъ няньки, а нянька изъ пѣсни, что есть еще „погибельный Капкавъ, и не цвѣтутъ тамъ розы алы, и нѣтъ цвѣточка голубого—равно какъ здѣсь у насъ зимой“, при чемъ отъ себя нянька добавляла, что тамъ такія высокія горы, что съ нихъ можно руками брать облака, и они похожи на кисель, только безцвѣтны и безвкусны.

Дальше этого наше знакомство съ міромъ не шло и суживалось для моего трехлѣтняго брата Жени до усатыхъ рыжихъ таракановъ, которыхъ онъ называлъ „Шиши“, потому что они шуршали за ободранными обоями около его люльки, до „Хо“—свиньи, „Ку-ка-ре-ку“—пѣтуха и „Го-го-го—жеребенка.

Съ широко раскрытыми глазками слушалъ вмѣстѣ съ нами Женя страшныя нянькины сказки съ непонятными таинственными словами: колдунъ, вѣдьма, черти и порою въ развертывавшуюся передъ нами жуткую картину включалъ и своихъ: „Хо, Го-го-го, Бебе—козу и Мяу—кота.

Какъ во снѣ мчалъ насъ куда-то поѣздъ, бѣжали передъ нашими изумленными глазами поля, лѣса, лентами извивались рѣки, шли и ѣхали сказочно-маленькіе мужики на маленькихъ лошадакахъ, плыли облака; и на всемъ лежала печать того смутнаго міра, въ невѣдомую даль котораго мы ѣхали.

Нянька крестилась. На измученномъ худомъ лицѣ матери лежала радостная улыбка. Я не спала и смотрѣла въ окно на волшебные отсвѣты, озарявшіе весенніе разливы.

Поѣздъ остановился, потомъ куда-то исчезъ, а мы ѣхали дальше въ закрытомъ рыдванѣ по тряской, невѣдомой дорогѣ.

Проснулись мы не въ своемъ сыромъ подвалѣ, съ ободранными обоями, за которыми водились „Шиши“, и грязными окнами, выходившими на „помойку“, а въ свѣтлой комнатѣ, въ окна которой тихонько стучались тонкими кружевными вѣточками бѣлыя молоденькія березки, и сквозь ихъ клейкіе листики на насъ смотрѣлось не стѣна задняго двора Петербурга, а влажное утреннее небо, гдѣ купались вершинами обросившіяся деревья большого тѣнистаго сада, переливаясь розовато-зеленоватыми красками.

Въ комнату вошла наша няня, и было странно, что она по-прежнему старая, въ темномъ ситцевомъ платьѣ. Въ рукахъ у ней была большая птица изъ невѣдомаго намъ доселѣ смут-

наго міра, съ нѣжными, легкими какъ пухъ, дымчатыми перьями, длинной тонкой шеей и лучистыми глазами, въ которыхъ отражалось вешнее утро и тонкая, недосыгаемая красота воли и простора, подернутая какъ туманомъ сквозящимъ испугомъ и удивленіемъ. Съ длиннаго тонкаго носика еще не сошла желтизна птенца. На длинныхъ ногахъ лежала молодая кожица, мягкая въ сгибахъ.

Мы съ такимъ же удивленіемъ смотрѣли на большую птицу и такъ осторожно дотрогивались до ея перьевъ, словно она была призракъ, который вотъ-вотъ растаетъ въ воздухѣ.

— А какъ ее зовутъ?—робко спросила сестра.

— Журавлемъ,—важно отвѣчала нянька.

— Жуля,—повторилъ Женя и немного попятился на всякій случай.

— Журочка!—воскликнула я, переполненная радостью этой таинственной встрѣчи.—Гдѣ же онъ жилъ раньше, няня?

— Въ непроходимыхъ мѣстахъ, около озеръ, въ камышахъ, на берегахъ пустынныхъ рѣкъ. Прилеталъ изъ-за морей весною и опять улеталъ осенью.

Журочка пригнулся и сдѣлалъ нѣсколько широкихъ шаговъ къ открытой двери. Мы вскрикнули, словно боясь вмѣстѣ съ нимъ потерять всю промелькнувшую передъ нами впервые весну, садъ, пустынные рѣки, о которыхъ говорила нянька, камыши, моря, изъ-за которыхъ прилеталъ Журочка, и опять очутиться въ сыромъ подвалѣ многомилліоннаго города.

Я бросилась, схватила его, прижала къ себѣ и заплакала.

Съ тѣхъ поръ мы не разставались.

Нѣсколько дней, пока онъ пугался, я караулила каждое его движеніе, слѣдила, какъ онъ закрывалъ нѣжною тонкою пленочкою свои большіе лучистые глаза и дремалъ, помня, что онъ не въ камышахъ, а въ комнатѣ.

Потомъ онъ сталъ закладывать головку подъ крылышко и стоять на одной ногѣ, не слыша и не видя ничего; потомъ расправилъ крылья, перебралъ носомъ всѣ перышки, и дня черезъ три мы вышли съ нимъ въ садъ. Но я все еще боялась потерять его и привязала за ножку на длинную тесемку.

Увидя цвѣтущую чашу вишенъ, онъ потянулъ меня къ нимъ, и мы долго стояли, притаившись въ густой тѣни, осыпанные бѣлыми душистыми цвѣтами. Потомъ мы ходили съ нимъ по липовой аллеѣ и, увидавъ залитую солнцемъ полянку, понеслись къ ней и опять спрятались въ кустахъ... Стояли подъ старыми

дубами, развѣсистыми липами, смотрѣли на переливы свѣта и тѣней, слушали шумъ вѣтра, пѣніе какихъ-то птичекъ, которыхъ я слышала въ первый разъ, а онъ зналъ хорошо, такъ какъ все поднималъ кверху свой лучистый глазокъ и прислушивался, довольный и успокоенный родною близостью.

Вскорѣ онъ совсѣмъ привыкъ и даже завелъ въ домѣ свои порядки: когда мы обѣдали за круглымъ столомъ, онъ, невзирая на отца, который ѣлъ всегда молча и любилъ показать намъ въ это время свою строгость, ходилъ кругомъ и старался взять изъ тарелки кусочекъ, вызывая общій веселый смѣхъ, отдалявшій отъ насъ тяжелыя воспоминанія большого города.

Затѣмъ Журочка возненавидѣлъ жирнаго кота Ваську, вѣчно спавшаго около печки, подходилъ къ нему и клевалъ его въ голову. Васька лѣниво открывалъ сонный зеленый глазъ, вытягивался, жмурился, прикрывалъ глазъ лапкою и опять засыпалъ.

Любилъ Журочка выходить на большой дворъ, полный гусей, утокъ, надутыхъ индюковъ, хлопотливыхъ насѣдокъ, выбиралъ себѣ тамъ повыше мѣстечко и стоялъ особнякомъ ото всѣхъ, часами наблюдая птичью жизнь.

А когда мы выходили всѣ четверо за ворота, онъ никогда не отставалъ отъ насъ.

Увидя озаренную закатомъ, словно тающую въ нѣжно-розовомъ туманѣ, степь, Журочка широко взмахивалъ легкими крыльями и радостно несся, еле касаясь земли ногами, къ малящей его дали. Мы неслись за нимъ, махали руками, стараясь такъ же легко прикасаться къ землѣ.

Простору, счастью, не было предѣловъ...

Отъ нашихъ полетовъ отставалъ у воротъ маленькій Женя, и до насъ долетали его отчаянныя молебны:—„Жуля, подози! Жуля, подози!“

Яркая осень золотила деревья сада, клала лиловые, пурпурные и розовые блики на широкіе клены, дрожащую осину, липы и березы. Журочка заглядывался на свѣтлое небо и курлыкалъ.

— Въ отлетъ собирается,—сказала нянька и обрѣзала ему крылья.

Лилъ дождь. Большіе водяные пузыри вскакивали въ грязныхъ лужахъ двора. Вѣтеръ срывалъ съ сада порѣдѣвшіе листья, свистѣлъ въ окна и гремѣлъ крышею. Журочка днями тихо стоялъ на одной ножкѣ около нашего стола, гдѣ мы учи-

лись, порою бралъ у кого-нибудь изъ насъ карандашъ, или копался носомъ въ листахъ раскрытой книги. Иногда клеваль карту географіи, наклеенную на стѣнѣ, и намъ казалось, что онъ знаетъ ее всю больше и лучше насъ—какимъ-то изъ вѣка даннымъ ему чутьемъ и любовью къ волѣ и простору.

Въ эту зиму мы сдѣлали большіе успѣхи: исчезли колдуны и вѣдьмы, разбойники и упыри, огненные рѣки и кипяшіе въ смолѣ грѣшники, пугавшіе насъ раньше. Небо было чисто, какъ росинка, и лучисто, какъ глаза Журочки.

Мы отгоняли отъ старой няньки тѣни прошлой крѣпостной жизни, которая создавала въ ней и лелѣяла страшныя, темныя воспоминанія. Мы заставляли все чаще и радостнѣе улыбаться нашу измученную мать.

Нянька, какъ послушный ребенокъ, слушала насъ, иногда спорила, защищая ужъ одного только стараго „домового“, котораго перевозили когда-то въ новый домъ дѣдушки на пустой телѣгѣ—за то, что онъ былъ добрый и ласковый, нрава же новаго домового никто не зналъ. И совсѣмъ рѣдко пыталась отстаивать вѣдьму, которая ходитъ доить коровъ по ночамъ, доказывая ея существованіе тѣмъ, что она была поймана нашей бабушкою въ то время, какъ пришла къ ней подъ видомъ сосѣдки, а въ это же время на раскаленной сковородѣ кипѣло молоко отъ той коровы, которую она доила по ночамъ. Она стала умолять—не смрадить, чѣмъ и выдала себя.

Мы смѣялись, и вмѣстѣ съ нами смѣялась нянька и курлыкалъ Журочка. А кругомъ лежала снѣжная пелена, далекая, безграничная...

Но вотъ Журочка опять сталъ развертывать свои широкія крылья и стоять распростертый такъ по нѣскольку минутъ, вглядываясь въ небо, гдѣ уже переливались трели жаворонковъ.

Появились проталинки, по оврагамъ и скатамъ зажурчали ручьи; на рѣкѣ взломало ледъ.

Журочка сталъ выходить во дворъ и, перебирая ногами и трепеща крыльями, танцовать какой-то удивительный танецъ, легкій и граціозный: бралъ съ земли и подбрасывалъ кверху палочки, ловилъ ихъ носомъ и опять подбрасывалъ, закидывалъ головку, курлыкалъ нѣжно и призывно.

И вдругъ откуда-то долетѣло отвѣтное курлыканье. Легкіе, воздушные, сѣрою нитью прорѣзывая прозрачный весенній воздухъ, то сливаясь съ облаками, летѣли журавли.

Журочка выронилъ палочку и замеръ... съ силою взмахнулъ крыльями, вытянулъ шею и ноги, и понесся къ нимъ, поднимаясь все выше и выше.

Мы стояли во дворѣ и жадно ловили долетавшіе до насъ звуки серебряной звенящей пѣсни, въ которыхъ былъ безпредѣльный просторъ, воля, радость бытія и любовь къ степямъ, надъ которыми они неслись, разливамъ, зорямъ, свѣтящимся туманамъ, теплымъ дождямъ, весеннимъ грозамъ...

Пѣсня звенѣла, будя и въ насъ призывы къ счастью на землѣ.

Е. Милицына.

Зимній вечеръ.

Спятъ березы въ бѣлоснѣжномъ покрывалѣ.
Блещутъ искры брилліантовъ на вѣтвяхъ.
Звѣзды первыя на небѣ засверкали,
Зимній вечеръ догораетъ въ небесахъ.
Блекнутъ краски алыхъ тѣней на закатѣ,
Сонъ природы безмятеженъ и глубокъ;
Тихо, тихо... На селѣ въ послѣдней хатѣ
Робко первый засвѣтился огонекъ.
Гдѣ-то сани на дорогѣ заскрипѣли;
Фыркнулъ конь, почуя близкій свой ночлегъ...
Бѣлка прыгнула съ вершины старой ели,
Осыпая за собою бѣлый снѣгъ.
Скоро ночь покроетъ землю темнотою,
Мѣсяцъ въ заревѣ поднимется съ высотъ...
И раскинется надъ спящею землею
Безпредѣльный, чистый звѣздный небосводъ.

О. Жукъ.

Капля.

(Изъ Мирушиныхъ разсказовъ).

Набѣжала тучка, пролился, среди веселыхъ раскатовъ грома, теплый, обильный лѣтній дождь, и снова въ чистомъ небѣ засверкало яркое, точно вымытое, солнышко.

Я вышелъ въ нашъ старый садъ, густой и тѣнистый. Чудно пахло свѣжей зеленью; дышалось вольно и легко. И по старому саду шелъ неумолчный шопотъ падающихъ съ одного листа на другой и блестящихъ, какъ драгоцѣнные камни, дождевыхъ капель.

И вдругъ подъ этотъ нѣжный шопотъ, подъ зелеными сводами сада изъ туманной дали прошлаго выплылъ одинъ забытый, но милый образъ. Да, да, вотъ онъ, нашъ милый Яковъ Ивановичъ! Я вижу его сутуловатую, худую, всегда небрежно одѣтую фигуру съ шаркающими ногами, вижу его блѣдное, всегда отсутствующее лицо съ рыженькой бородкой клинышкомъ. Онъ всегда разсѣянъ, всегда что-то думаетъ; онъ, казалось, видитъ то, чего другіе не видятъ, но зато совсѣмъ не видитъ того, что у него подъ носомъ, на которомъ сидятъ строгіе, большіе очки въ грубой металлической оправѣ.

Я совсѣмъ не помню, какъ и зачѣмъ онъ попалъ въ нашу глухую, заброшенную усадьбу. Пожилъ онъ у насъ, кажется, всего одно лѣто и куда-то исчезъ, оставивъ по себѣ во мнѣ, ребенкѣ, какое-то странное впечатлѣніе: точно это былъ какой-то милый, удивительный сонъ, что-то такое, о чемъ не знаешь, было оно на самомъ дѣлѣ или не было. И только развѣ тупая боль въ дѣтскомъ сердцѣ, боль разлуки, говорила, что онъ дѣйствительно былъ.

... По мокрому, залитому солнцемъ, пахучему саду шель неумолчный шопоть сверкающихъ капель.

Онъ любилъ меня, но любилъ опять-таки не какъ всѣ: онъ никогда не цѣловалъ, не ласкалъ меня, не говорилъ нѣжныхъ словъ, не смѣялся, не шутилъ, и все же я льнулъ къ нему. Онъ никогда не игралъ со мной, но зато часто рассказывалъ мнѣ разныя исторіи, въ которыхъ не было, казалось, ничего необыкновеннаго,—ни волшебниковъ, ни страшной бабы-яги, ни сѣраго волка, ничего такого, чего „не бываетъ“, какъ говорятъ дѣти, и тѣмъ не менѣе я слушалъ его, затаивъ дыханіе и широко раскрывъ глаза. И, случалось, бывало, онъ захватитъ на моемъ лицѣ это завороженное выраженіе—и вдругъ въ глубинѣ его глазъ засвѣтитъ что-то нѣжное, нѣжное, люющеея прямо въ душу, а тихая улыбка скользнетъ по его блѣдному лицу.

... По старому развѣсистому саду—ахъ, какъ сладко, какъ чудно пахнетъ липами!—шель бѣглый таинственный шопоть капель.

Да, да, сейчасъ вспомню.

Тамъ, въ концѣ липовой аллеи, на крутомъ берегу сонной, густо заросшей камышами, осокой, желтой кувшинкой и бѣлыми лиліями, Серебрянкой, была старая бесѣдка. Ея давно уже нѣтъ. Теперь на ея мѣстѣ лежитъ вотъ этотъ толстый обрубокъ старой, поваленной бурей липы, который служить скамейкой всѣмъ проходящимъ посидѣть въ тишинѣ надъ Серебрянкой и полюбоваться прелестнымъ видомъ, открывающимся отсюда на зеленые луга и темные лѣса, среди которыхъ теплымъ пятномъ бѣлѣетъ вдали наша приходская церковь „Борисъ-Глѣба“, какъ говорятъ крестьяне... А тогда, говорю, тутъ была старая, зеленая бесѣдка съ тремя низенькими, подгнившими скамеечками. И помню, разъ—Боже мой, какъ давно это было!—такъ же вотъ набѣжала тучка и пролился подъ веселые раскаты грома обильный и теплый лѣтній дождь, и такъ же чудно пахло свѣжей зеленью и цвѣтушей липой, и такъ же шель по старому саду легкой шорохъ, шопоть сверкающихъ капель по зеленой листьѣ.

Да, да, вотъ сейчасъ...

И помню, сидимъ мы съ Яковомъ Ивановичемъ въ бесѣдкѣ, а лица у обоихъ свѣжія и волосы мокрые: дождь засталъ насъ на купаньѣ, внизу. Онъ сидитъ и говоритъ подъ тихій шелестъ капель въ душистой листьѣ:

— Красота во всемъ, въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ,— надо только умѣть ее видѣть. Вонъ у порога валяется сѣрый булыжникъ—мы тысячи разъ пройдемъ равнодушно мимо него: что же, самая обыкновенная вещь! А между тѣмъ, если бы онъ умѣлъ говорить или, вѣрнѣе, если бы мы умѣли его слушать, онъ рассказалъ бы намъ о себѣ такую повѣсть, предъ которой всѣ волшебныя сказки наши казались бы не пестрой жаръ-птицей, какъ теперь, а скучной сѣрой вороной, нахлившейся подъ осеннимъ дождемъ! Или вотъ посмотри на эти капли,—сказалъ Яковъ Ивановичъ, указывая на мокрую,

Сѣверная рѣка.

Съ картины В. Васнецова.

пахучую вѣтку черемухи, свѣсившуюся надъ самымъ входомъ въ бесѣдку.—Посмотри: та блеститъ, какъ расплавленное золото, горитъ огнемъ, эта почему-то вся матовая, какъ жемчужина, а эта зеленая, прозрачная, а такая жидкая и легкая, что она точно вотъ-вотъ растаетъ, улетитъ. И, какъ булыжникъ, эта капля, если бы мы умѣли слушать, рассказала бы намъ о себѣ многое.

— А что бы она рассказала?—прерывающимся голосомъ спросилъ я, глядя на эту зеленую каплю, такую чистую, прозрачную, легкую.

— Что?—переспросилъ Яковъ Ивановичъ, вздохнувъ, и глаза его обѣжали и сонную, всю зеленую, всю въ крупныхъ

цвѣтахъ рѣчку, и широкіе луга, и темный лѣсъ, и съ глухимъ ворчаньемъ грома уползавшую за этотъ лѣсъ синюю тучу, на темномъ фонѣ которой такъ весело и такъ ярко блестѣла бѣлая колоколенка „Борисъ-Глѣба“.—Что? Ну, слушай...

И онъ началъ своимъ глухимъ, слабымъ голосомъ подь неумолчный шопотъ сверкающихъ капель въ душистомъ саду:

— Эта капля старше тебя, старше меня, старше всѣхъ, кого ты знаешь; она такъ стара, что никто даже и не знаетъ, когда, какъ и гдѣ она родилась. Но мы съ тобой увидѣли ее въ первый разъ, скажемъ, среди волнъ огромной сибирской рѣчки, быстро катившейся къ сѣверу среди безбрежныхъ, пустынныхъ лѣсовъ и тундръ подь грустнымъ сѣрымъ небомъ. И вотъ она качается уже на морскихъ валахъ. Кругомъ пустыня, ни души; лишь изрѣдка, какъ темное привидѣніе, проплыветъ стороной огромный китъ или бѣлая чайка заплачетъ въ безбрежномъ просторѣ. Все дальше и дальше несли, баюкая, волны капельку, все дальше и дальше... И вотъ вокругъ уже плаваютъ бѣлыя, серебряныя громады вѣчныхъ льдовъ, надъ которыми по ночамъ горитъ и переливается сѣверное сіяніе. И вотъ какъ-то холоднымъ утромъ, когда мутно-багровая заря тихо свѣтила надъ ледяными полями, волна лизнула подножье ледяной горы, и капелька примерзла къ огромной глыбѣ, на которой бѣлый медвѣдь, окрашивая кровью зеленоватый ледъ, ѣлъ молодого тюленя.

И такъ въ ледяной глыбѣ капелька носилась по океану десять, а можетъ-быть, сто и тысячу лѣтъ—что для нея года? И вотъ какъ-то случилось, что бурей загнало ту ледяную гору далеко къ югу, она растаяла, и капелька поднялась надъ моремъ сѣдымъ туманомъ и улетѣла въ высь, но тамъ тучу хватило холоднымъ сѣвернымъ вѣтромъ, и капелька, превратившись въ хорошенькую пушистую звѣздочку-снѣжинку, запорхала внизъ и тихонько легла на мохнатую вѣтвь старой ели на берегу Волги.

Зима подходила къ концу. Солнышко въ полдень грѣло все жарче и жарче. Уже всталъ изъ берлоги косматый, оголодавшій за зиму, медвѣдь, уже начали линять бѣлки, мѣняя сѣрую зимнюю шкурку на красноватую лѣтнюю, у тетеревей покраснѣли брови, и уже начали они вылетать на первыя проталинки въ лѣсу, и уже раздавалось по зарямъ ихъ первое, еще робкое, переливчатое токованіе и чужыканье. На землѣ, въ снѣгу, шелъ какой-то едва уловимый шопотъ: то капельки—

ихъ вѣдь миллионы въ снѣгу,—прощались одна съ другой передъ долгой разлукой. И, простившись, однѣ изъ нихъ улетали въ небо, другія уходили во влажную землю, а оттуда по корнямъ снова поднимались вверхъ, на солнышко, то въ стволѣ старой, мохнатой ели, то въ нѣжной, острой, зеленой иголочкѣ молодой травы. А эта капелька побѣжала въ говорливомъ ручьѣ будить спавшую подъ льдами Волгу: какъ ни мала кажется намъ капелька, а это она весной будитъ и подымаетъ рѣки.

На Ледовитомъ океанѣ.

И вотъ,—продолжалъ Яковъ Ивановичъ подъ неумолчный шопотъ сверкающихъ среди зелени капель, наша капелька понеслась по Волгѣ подъ радостнымъ весеннимъ небомъ, въ которомъ съ побѣдными криками кружились журавли. То она несла на себѣ тяжелые плоты бревенъ, то огромныя барки и пароходы, то съ веселымъ шумомъ бѣжала на золотую отмель, гдѣ, звонко смѣясь, купались деревенскіе ребята, то снова лѣниво колыхалась на волнахъ, убѣгая въ голубую даль. Одинъ разъ ее проглотила-было даже остроноса стерлядь, но тотчасъ же снова выпустила ее изъ-подъ жаберъ—капелька ничего этого не боялась, она знала, что всегда будетъ жить.

Уже давнымъ давно кончились синіе лѣса, прошли мимо

красивыя, дикія Жегули—теперь вокругъ были лишь жаркія степи. Изрѣдка проходили мимо большіе города и всякія деревушки. Становилось все жарче и жарче, и капелька, не выдержавъ этого зноя, разъ, когда впереди уже виднѣлась широкая гладь моря, а по берегу шель, позванивая колокольчиками, караванъ верблюдовъ, снова превратилась въ легкій паръ и унеслась въ сверкающее небо.

И снова она падала тяжелой дождевой каплей на землю, и помогала наливаться янтарному зерну въ тяжеломъ колосѣ, и была въ свѣжемъ, душистомъ короваѣ хлѣба, и утоляла голодь и рабочихъ, и праздныхъ людей, и снова возвращалась въ землю, въ цвѣты, въ рѣки, и снова улетала въ небо, пока не очутилась на одной бѣлоснѣжной вершинѣ въ Гималайскихъ горахъ, гдѣ она вмѣстѣ съ миллионами другихъ такихъ же капель надолго уснула глубокимъ сномъ въ зеленоватоголубой массѣ льда, который люди совершенно напрасно зовутъ вѣчнымъ. Можетъ-быть, ея теперешній зеленый цвѣтъ есть воспоминаніе о тѣхъ зеленыхъ ледяныхъ поляхъ, которыя, огибая каменную громаду заоблачной горы, тихо, медленно спускались внизъ, къ цвѣтушимъ полямъ, которыя виднѣлись иногда съ вершины тамъ, глубоко внизу, когда солнце разрывало сѣдыя громады тучъ, окутывавшія гордыя вершины, и заливало своимъ горячимъ блескомъ безбрежныя дали.

Тихо, медленно сползало внизъ ледяное поле и, чѣмъ ниже оно сползало, тѣмъ теплѣе и мягче становился воздухъ. И, наконецъ, стало такъ тепло, что ледяная рѣка начала таять, и проснувшіяся капельки стали сливаться въ крошечные, точно серебряныя ниточки, ручейки. И вотъ съ заоблачныхъ горъ, изъ-подъ сѣдыхъ тучъ, понесся, шумя, то голубой, какъ небо, то бѣлый и блестящій, какъ серебро, потокъ. Вотъ на пути его разверзлась синяя пропасть, и потокъ съ веселымъ шумомъ смѣло ринулся въ бездну. И когда капелька наша очнулась отъ головокружительнаго полета, вокругъ нея были уже не снѣга и не голыя, пустынные, каменистыя поля, а роскошныя цвѣтушіе луга, по которымъ бродили легкіе табуны дикихъ козъ. А потокъ, шумя, несся все дальше и дальше и, наконецъ, скрылся подъ сумрачными сводами старыхъ кедровыхъ лѣсовъ, окутавшихъ склоны Гималаи.

Тамъ, въ этомъ темномъ лѣсу, въ пещерѣ жилъ святой старецъ съ темной, оливковой кожей, съ черными, блестящими глазами, огонь которыхъ не могла потушить даже старость, и

П о л а

Съ картины Шишкина.

съ бѣлой, какъ потокъ, свергающійся въ бездну, бородой. Онъ жилъ тамъ, проводя время въ чтеніи старыхъ священныхъ книгъ, въ молитвѣ и въ глубокихъ размышленіяхъ. Рядомъ съ пещерой виднѣлся небольшой клочокъ воздѣланной земли, съ которой старецъ кормился. Но, живя на этой высотѣ, онъ не былъ одинъ,—узкія тропинки, змѣвившіяся среди скалъ по лѣсу, говорили, что къ нему ходили—и, дѣйствительно, люди ходили къ нему,—тѣ, которыхъ сердце было разбито, тѣ, которые потеряли дорогу въ жизни, тѣ, которыхъ томила тоска. И старецъ утѣшалъ, отогрѣвалъ ихъ и давалъ имъ наставленіе въ святыхъ словахъ старыхъ книгъ, и они уходили отъ него облегченные и окрѣпшіе.

И когда наша капелька проносилась въ потокѣ мимо пещеры старца, изъ пещеры этой вышелъ человекъ съ скорбнымъ лицомъ и, поцѣловавъ на порогѣ руку учителя, сталъ спускаться по каменистой тропинкѣ берегомъ потока внизъ. Уже у подножья горы путникъ остановился и, наклонившись къ ручью, погрузилъ въ него свою оплетенную соломой флягу: здѣсь потокъ отклонялся по равнинѣ на западъ, туда, гдѣ текла, сверкая въ лучахъ утренняго солнца, большая рѣка, а ему нужно было итти на востокъ пустынными и мало-водными степями. И капелька попала въ его бутылку, гдѣ было такъ тѣсно и такъ жарко подъ лучами жгучаго солнца.

Она не могла отдать себѣ отчета, сколько времени пробыла она въ бутылкѣ, но время этого заключенія тянулось для нея мучительно долго. Нѣсколько разъ человекъ открывалъ свою флягу и отпивалъ немного воды, и снова шелъ, и шагъ его былъ медленъ: видимо, онъ слабѣлъ отъ невыносимой жары, которой не умѣряло даже дыханье далекихъ ледниковъ Гималаи.

И вдругъ путникъ остановился и что-то наклонился къ землѣ. Потомъ открылъ флягу... При свѣтѣ уже склонявшагося къ западу солнца капелька увидала лежащаго на дорогѣ человека съ закатившимися глазами и тяжело подымающейся грудью. Путникъ посмотрѣлъ, сколько воды осталось во флягѣ, и, видимо, въ душѣ его поднялась борьба: путь былъ не близкій, воды оставалось уже немного и самого его томила мучительная жажда. Но онъ вспомнилъ то, чему училъ его святой старецъ, преодолѣлъ себя и, склонившись къ больному, осторожно, сберегая, вылилъ немного воды на его горячую голову.

Тихо, медленно сползало внизъ ледяное поле.

Тотъ очнулся, открылъ глаза. Тогда путникъ далъ ему выпить остальную воду.

Больному стало легче. Отдохнувъ, оба путника потихоньку пошли дальше, и, когда вскорѣ имъ пришлось проститься, спасенный долго не могъ оторваться отъ своего спасителя: онъ говорилъ о своей радости вернуться къ жизни, говорилъ о своихъ крошечныхъ дѣткахъ, которыя ждуть его, и въ сумеркахъ, при свѣтѣ звѣздъ, на глазахъ его заблестѣли слезы, тѣ самыя капельки, что такъ недавно спали во льдахъ Гималаи...

И упала наша капелька въ горячій песокъ и почти тотчасъ же унеслась въ небо, къ звѣздамъ, радостная, что спасла человѣка, радостная, что видѣла добро, Божье дѣло, на землѣ.

Гдѣ была она потомъ, не знаю.

Она бывала вездѣ, она видѣла все за свою долгую жизнь, пока, наконецъ, въ синей тучѣ не прилетѣла лѣтнимъ днемъ въ нашъ садъ и не повисла на вѣткѣ черемухи. Ахъ, она уже упала!.. — сказалъ онъ, замѣтивъ, что зеленой капельки уже нѣтъ на вѣткѣ. — Она уже ушла дѣлать другое дѣло. Можетъ-быть, ее пьютъ уже теперь корни черемухи, и она нальется скоро черной ягодкой. Ягодку эту склюетъ дроздъ-рябинникъ, она [обратится въ немъ капелькой крови, и онъ унесетъ ее осенью, съ первыми морозами на далекій югъ, и она увидитъ, можетъ-быть, Ниль и пирамиды фараоновъ. А, можетъ-быть, ягодку эту съѣстъ человѣкъ, и капелька эта загорится въ его мозгу широкой, свѣтлой, любовной мыслью, которая заставитъ его почувствовать его близость, его родство со всѣми капельками, дроздами, облаками, цвѣтами и людьми, со всѣмъ. Вотъ, слышишь, отъ дома потянуло запахомъ тополей, — какъ хорошо пахнуть тополя послѣ дождя! Потянуло топодемъ, и въ душѣ звучитъ что-то торжественное, что напоминаетъ почему-то Бога, напоминаетъ почему-то о смерти. А вотъ, — слышишь? — нѣжно пахнетъ липой, и душа почему-то проситъ счастья, — счастья безбрежнаго, свѣтлаго счастья любви... Отчего это такъ отзывается все въ душѣ? Оттого, что все родное, все зоветъ одно другое, все любовно перекликается: пахнетъ мокрый тополь — душа отвѣчаетъ, пахнутъ липы — душа отвѣчаетъ, смѣется, поетъ, воетъ осенній вѣтеръ — душа тоскуетъ, шелестятъ въ листьѣхъ капельки — звучитъ въ отвѣтъ имъ душа любовно и широко... Ахъ, какъ хорошо пахнетъ липами!..

Я слушалъ, точно очарованный, а по старому душистому саду шелъ немолчный нѣжный шопоть падающихъ съ листа на листь капель, сверкающихъ въ лучахъ заходящаго солнца золотомъ. А изъ-за рѣки, изъ-за лѣса лился нѣжный, задумчивый благовѣсть. И въ душѣ была и грусть и любовь...

И Яковъ Ивановичъ смотрѣлъ на мое задумчивое, зачарованное лицо, и въ глубинѣ его глазъ свѣтилось что-то нѣжное, нѣжное...

И. Наживинъ.

Зима.

Рисунокъ одного изъ нашихъ читателей.

Вокругъ насъ.

Опыты и наблюденія.

I.

Ледяные узоры.

Вчера съ вечера начало сильно морозить. Небо было ясно и тихо, алмазные огоньки безчисленныхъ звѣздъ ярко сверкали въ темной небесной пучинѣ.

А сегодня утромъ, когда въ окна домовъ глянуло ясное зимнее солнце, на стеклахъ заискрились причудливые ледяные узоры.

Чего только не нарисовалъ здѣсь художникъ морозъ!

Тутъ и серебряный лѣсъ изъ тонкихъ остроконечныхъ елокъ, и звѣздочки изъ ледяныхъ кристалликовъ, и вонъ, какъ будто, высокая башня съ крестомъ наверху.

Какъ все это случилось и какимъ образомъ могъ пробраться морозъ въ нашу комнату, гдѣ все-таки довольно тепло?

Впрочемъ, стоитъ приложить руку къ стеклу, чтобы почувствовать нестерпимый холодъ. На дворѣ морозить такъ крѣпко, что стекло въ окнѣ остываетъ насквозь.

Это понятно. Но откуда берутся узоры?

Вѣдь не можетъ же иней и ледъ выходить изъ оконнаго стекла.

Если мы будемъ думать о томъ, что насъ окружаетъ и что совершается всюду около насъ, то много такихъ вопросовъ явится у насъ въ головѣ, и для того, чтобы найти на нихъ отвѣты, нужно умѣть заставить говорить тѣ самыя вещи, которыя вызываютъ наше любопытство.

Они, конечно, будутъ говорить не словами. Есть особый языкъ, при помощи котораго человѣкъ можетъ объясняться съ вещами и со всѣмъ окружающимъ міромъ, когда хочетъ разгадать его тайны. Это языкъ опытовъ и наблюдений. Благодаря ему люди уже многое узнали изъ того, что было непонятно нашимъ предкамъ.

Иногда для того, чтобы понять, достаточно только внимательно глядѣть и видѣть.

Человѣкъ ставитъ вещь, свойства которой хочетъ узнать, въ разныя условія и смотритъ, какія съ ней происходятъ измѣненія. Эти-то измѣненія, подмѣчаемыя нами, и есть тотъ отвѣтъ, который мы получаемъ.

Нужно только внимательно разобраться въ томъ, что происходитъ съ предметомъ, отдѣлить случайныя, кажущіяся явленія, отъ тѣхъ постоянныхъ и важныхъ, которыя зависятъ отъ условій, въ которыя мы поставили наблюдаемыя нами предметы.

Итакъ будемъ задавать наши вопросы, и пусть вещи сами за себя говорятъ.

Если мы затопимъ печь и въ комнатѣ станетъ теплѣе, ледяные узоры исчезнутъ, и потечетъ вода. Воду можно стереть тряпкой, а за ночь, когда воздухъ остынетъ, узоры появятся вновь, какъ и раньше.

Итакъ у насъ есть уже одинъ отвѣтъ. Матеріаломъ для узоровъ служить вода, но откуда она постоянно берется,—мы еще не знаемъ. Начнемъ дѣлать опыты.

Опытъ 1. Поднесите холодное лезвее столоваго ножа къ струѣ пара, который вырывается изъ-подъ крышки самовара.

Онъ покроется крупными каплями росы. Паръ на холодномъ ножѣ, охлаждаясь, сгущается въ воду.

Опытъ 2. Подойдите къ окну и подышите на холодное стекло. Оно тотчасъ становится мутнымъ, а если вы будете дышать дольше, то увидите мелкія капельки воды. Эти капельки мало-по-малу будутъ становиться крупнѣе, если вы будете продол-

жать дышать на стекло, онъ наконецъ потекутъ внизъ, оставляя за собой мокрая дорожки.

Мы догадываемся, что въ томъ воздухѣ, который мы выдыхаемъ изъ себя, есть водяной паръ, который мы не видимъ.

Паръ, охлаждаясь, снова превращается въ воду.

На стѣнкахъ холоднаго стакана осѣли капельки воды—охладившійся водяной паръ изъ воздуха.

Впрочемъ, всякій знаетъ, что на морозѣ этотъ паръ образуетъ передъ ртомъ каждого человѣка облачко густого тумана.

Опытъ 3. Попробуйте внести въ теплую комнату какой-нибудь очень холодный предметъ: банку, графинъ, топоръ, который былъ въ холодныхъ сѣняхъ или на дворѣ на морозѣ. Посмотрите внимательно, и вы увидите на нихъ такія же капельки, какъ и тѣ, что получились на холодномъ окнѣ отъ вашего дыханія.

Откуда же взялись эти водяныя капли? Очевидно, только изъ окружающаго воздуха, въ которомъ находится невидимый водяной паръ, сгущающійся въ воду на холодныхъ вещахъ.

Итакъ вещи отвѣтили намъ на одинъ нашъ вопросъ: откуда тотъ матеріалъ, который идетъ на постройку узоровъ?

У насъ, однако, сейчасъ же можетъ явиться другой вопросъ: откуда берется въ воздухѣ та вода, которая потомъ образуетъ узоры на окнахъ? Заставимъ опять говорить вещи самихъ за себя.

Опытъ 4. Капнемъ вечеромъ немного холодной воды на кусочекъ чистаго стекла или блюбочка и оставимъ такъ до утра. Утромъ мы или вовсе не найдемъ воды на стеклѣ или найдемъ воды значительно меньше, чѣмъ было вчера. Вода *высохла*. Что это значитъ?

Лишь то, что вода превратилась въ паръ и улетѣла въ воздухъ.

Чтобы поймать эту испаряющуюся воду, можно сдѣлать такъ:

Опытъ 5. Взять блюдечко, положить на него кусокъ намоченной въ водѣ ваты или свернутую мокрую тряпочку и сверху все это накрыть стеклянной банкой изъ-подъ варенья. На другой день водяной паръ, поднявшійся отъ воды, осядетъ въ видѣ росы внутри банки на ея днѣ и бокахъ.

Такъ мы увидимъ, что не только горячая, но и холодная вода превращается въ паръ.

Если такъ, то паръ поднимается вездѣ, гдѣ есть вода: съ озера, моря, рѣки, изъ лужъ и болотъ, съ сырого бѣлья—отовсюду.

Въ комнатахъ стоитъ вода въ ведрахъ, въ умывальникахъ, тазахъ, паръ поднимается отъ кастрюль съ варящимся кушаньемъ, изъ корыта, гдѣ моютъ бѣлье, и такъ далѣе.

Опытъ 6. Возьмите холодный стаканъ или банку и опрокиньте ее надъ горящею свѣчкой или лампой.

Банка внутри немедленно покрывается мутнымъ налетомъ изъ маленькихъ капель водяной росы. Капли эти растутъ, сливаются другъ съ другомъ и начинаютъ, наконецъ, падать внизъ.

Значить пламя лампы, свѣчи выдѣляетъ водяной паръ, который мы ловимъ холоднымъ стаканомъ.

Опытъ 7. Покройте опрокинутымъ стаканомъ часть земли на цвѣточномъ горшкѣ около какого-нибудь комнатнаго растенія или просто насыпьте сырой земли въ горшокъ, налейте воды на поддонникъ и покройте землю стаканомъ или банкой.

Водяная роса внутри стакана покажетъ, что въ воздухѣ, подъ стаканомъ довольно много набралось водяныхъ паровъ, выдѣляющихся изъ земли.

Опытъ 8. Срѣжьте листочки какого-нибудь растенія, положите на сухое блюдечко, накройте банкой и посмотрите, что будетъ.

Опытъ 9. То, что растенія испаряютъ воду, можно еще

Опрокиньте холодный стаканъ надъ пламенемъ горящей свѣчи. На стѣнкахъ его появятся капельки воды.

обнаружить еще другимъ способомъ. Возьмите широкую стеклянную трубку, съ тонкими стѣнками и, разогревъ ее сильно въ одномъ мѣстѣ въ пламени спиртовой лампочки, согните посрединѣ. Сгибать надо осторожно, медленно и безъ

Разогреваніе стеклянной трубочки.

усилій: трубка будетъ легко сгибаться, когда стекло размягчится отъ нагрѣванія. Купить такую трубку можно въ каждомъ аптекарскомъ магазинѣ копеекъ за 5 или 10.

Если трубка будетъ согнута благополучно, нужно дать ей остыть, наполнить ее водой и въ одинъ конецъ ея вставить срѣзанную вѣточку растенія такъ, какъ показано на рисункѣ. Если нѣтъ подходящей зе-

леной вѣтки, можно въ горшкѣ вырастить предварительно одну или нѣсколько горошинокъ и срѣзать стебель молодого растенія.

У края трубки стебель нужно обернуть кусочкомъ тряпочки, полоской бумажки или обложить двумя вырѣзанными пластинками пробки такъ, чтобы вѣтка держалась прямо. Укрѣпивъ растенія, залейте аккуратно этотъ конецъ трубочки воскомъ, чтобы между стволемъ и краемъ стекла ни вода, ни воздухъ не могли проходить. Когда это будетъ сдѣлано, отлейте изъ другого конца трубки немного воды и капнете туда капельку деревяннаго или другого жидкаго масла, чтобы и съ этого конца вода не могла испаряться. Открытый конецъ заткните кусочкомъ ваты и приготовленный такимъ образомъ приборъ укрѣпите, чтобы онъ остался стоять у васъ въ комнатѣ нѣсколько дней. Укрѣпить можно хотя бы такъ: въ цвѣточный горшокъ съ землей воткнуть крѣпко высокую палочку, въ родѣ тѣхъ, которыя употребляютъ для поддержки цвѣтовъ; къ палочкѣ примотать веревочками вашъ приборъ, чтобы онъ могъ прочно, не шатаясь, держаться. Можно смастерить самому небольшой штативчикъ изъ четырехугольной деревянной подставки и толстой проволоки ¹⁾.

¹⁾ Въ „желѣзной“ лавкѣ надо спросить „телеграфной“ проволоки и попросить отрѣзать (копейки на 3) кусокъ вершковъ въ 12. Можно взять

Далѣе на стеклѣ противъ капельки масла слѣдуетъ сдѣлать отмѣтку въ видѣ маленькаго пятнышка, густыми чернилами, тушью или какой-нибудь краской.

Черезъ нѣсколько дней вода вмѣстѣ съ плавающимъ на ней масломъ опустится значительно ниже отмѣтины. Это покажетъ, что ея вообще стало значительно меньше въ трубкѣ, и такъ какъ она не могла испаряться сквозь слой масла и воска, то мы догадываемся о томъ, что она испарилась черезъ вставленную вѣтку.

Итакъ и комнатныя растенія и земля изъ ихъ горшковъ постоянно выдѣляютъ водяные пары въ воздухъ комнаты.

О томъ, что пары выдѣляются человѣкомъ, когда онъ дышитъ, мы уже говорили выше, но человѣкъ выдѣляетъ водяной паръ еще и другимъ способомъ.

Опытъ 10. Если взять щепотку сухой соли, положить ее на ладонь и, зажавши, долго держать ее въ рукѣ, то соль дѣлается сырой.

Влагу соль впитала въ себя изъ кожи, изъ тѣхъ миллионовъ крошечныхъ отверстій—поръ, черезъ которыя выдѣляется потъ. Когда человѣкъ быстро двигается и сильно разогрѣвается, потъ выступаетъ такъ сильно, что кожа дѣлается влажной, иногда прямо покрывается каплями.

Но и въ обыкновенное время потъ выдѣляется кожей въ видѣ паровъ, которыхъ мы не замѣчаемъ.

Опытъ 11. Приложите сухую ладонь къ холодному оконному стеклу, вы увидите, что подъ ней образуется такая же влажная муть, какая получается на стеклѣ отъ дыханія.

Опытъ 12. Достаньте въ аптекѣ нѣсколько кусочковъ такъ называемой кобальтовой бумаги.

Подставка для стеклянной изогнутой трубочки.

Растеніе вытягиваетъ воду и испаряетъ ее черезъ листья.

также проволоки болѣе тонкой, чтобы сдѣлать петлю и крючокъ для подерживанія трубки.

Сухая бумажка — голубого цвѣта, но если на нее подышать, смочить водой или подержать надъ кипящимъ самоваромъ, она дѣлается розовой, потому что растворъ хлористаго кобальта въ водѣ имѣетъ розовый цвѣтъ.

Снѣжинки подъ увеличительнымъ стекломъ.

Если клочокъ голубой бумажки зажать между двумя ладонями и подержать такъ нѣсколько времени, она также становится розоватой.

Человѣкъ выдѣляетъ дыханіемъ и испареніемъ черезъ кожу очень много водяныхъ паровъ. Вычислено, что въ сутки одинъ взрослый человѣкъ выдыхаетъ изъ себя столько пара, сколько его получится, если вы-

кипитъ фунтъ съ четвертью воды; съ поверхности кожи испаряется за это же время около двухъ съ половиной фунтовъ.

Значитъ, одинъ взрослый человѣкъ, если онъ проведетъ весь день дома, прибавитъ къ комнатному воздуху почти четыре фунта водяныхъ паровъ.

Мы получили теперь отвѣтъ на вопросъ, откуда берется вода, изъ которой состоятъ водяные узоры на окнахъ. Но мы ждемъ еще отвѣта на другой вопросъ: почему вода, замерзая на окнахъ, принимаетъ такія причудливыя формы?

Будемъ и дальше вести нашъ разговоръ съ вещами. Достанемъ увеличительное стекло (лупу) и рассмотримъ черезъ нее ледяные узоры.

Мы увидимъ, что они составлены изъ отдѣльныхъ кусочковъ съ гладкими, ровными боками или „ледяныхъ кристалловъ“. Снѣжинки, падающія изъ тучъ, также состоятъ изъ отдѣльныхъ кристалликовъ, срастающихся другъ съ другомъ многочисленными группами въ видѣ звѣздочки съ шестью лучами.

Опытъ 12. Возьмемъ горсть обыкновенной поваренной соли, положимъ въ стаканъ и дольемъ водой. Будемъ долго мѣшать ложкой, чтобы какъ можно больше соли растворилось въ водѣ. Когда соль не станетъ ужъ больше растворяться,

процѣдимъ полученный мутный растворъ черезъ бѣлую фильтровальную бумагу въ другой чистый стаканъ. Полученный прозрачный соляной растворъ оставимъ стоять въ комнатѣ нѣсколько дней. Вода съ его поверхности начнетъ испаряться, а самый растворъ будетъ становиться гуще и гуще. Скоро мы увидимъ на днѣ и на стѣнкахъ сосуда маленькія прозрачныя крупинки соли, имѣющія видъ правильныхъ кубиковъ. Это кристаллики соли. Если оставить растворъ испаряться и дальше, кубики будутъ расти и сливаться другъ съ другомъ въ неправильныя группы, а потомъ весь стаканъ покроется бѣлой соленой коркой изъ сросшихся вмѣстѣ кристалликовъ.

Опытъ 13. Также легко получить кристаллы изъ растворовъ мѣднаго купороса или обыкновенныхъ квасцовъ. Только чтобы растворить квасцы или мѣдный купоросъ, недостаточно мѣшать ложкой въ холодной водѣ, нужно обливать ихъ кипяткомъ или еще лучше прокипятить воду вмѣстѣ съ кусками мѣднаго купороса или квасцовъ.

Полученный растворъ надо остудить и процѣдить въ чистую банку и оставить спокойно стоять.

Если растворъ былъ достаточно густъ, въ немъ скоро начнутъ появляться маленькіе кристаллики купороса или квасцовъ, только уже не въ видѣ кубиковъ, а совсѣмъ другой формы.

Въ растворѣ мѣднаго купороса хорошо удается образование большого кристалла. Кристаллъ растетъ долго, но зато онъ бываетъ очень красивой формы и густого синяго цвѣта.

Для этого нужно выбрать уже изъ полученныхъ маленькихъ кристалликовъ самый правильный, обвязать его осторожно тонкою ниткой и привязать къ серединѣ деревянной лучинки. Затѣмъ самый растворъ надо тщательно процѣдить, чтобы въ немъ не было другихъ кристалловъ, въ чисто вымытый стаканъ или банку и положить на его края лучинку такъ, чтобы нашъ кристалликъ свѣшивался въ середину раствора, былъ покрытъ имъ со всѣхъ сторонъ и нигдѣ не дотрагивался до стѣнокъ.

Кристаллъ соли.

Затѣмъ нужно поставить этотъ стаканъ въ такомъ мѣстѣ,

гдѣ бы его никто не толкалъ и не трогалъ, и тогда, изо дня въ день, можно будетъ замѣчать медленный ростъ кристалла. Скоро петля, которой онъ былъ обвязанъ, окажется уже внутри

Кристаллъ гипса.

его и будетъ просвѣчивать сквозь его полупрозрачное тѣло. Можно вырастить кристаллъ такимъ большимъ, что онъ уже не будетъ помѣщаться въ стаканѣ, и придется для дальнѣйшаго роста готовить новый растворъ и брать болѣе крупный сосудъ.

Мы видимъ, что не одинъ ледъ образуетъ кристаллики, что есть и другія вещества, изъ которыхъ можно ихъ получать. Отчего же образуются кристаллы?

На этотъ вопросъ отвѣтъ получается не такъ просто и скоро. Мы здѣсь встрѣчаемся съ проявленіемъ тѣхъ глубокихъ невидимыхъ силъ, съ которыми только недавно стали знакомиться люди.

Опытъ 14. Мы подносимъ магнитъ къ кусочкамъ желѣза они прыгаютъ и пристають къ нему такъ плотно, что ихъ нелегко оторвать отъ магнита.

Мы можемъ легко убѣдиться, что сила притяженія существуетъ не только между магнитомъ и желѣзомъ.

Опытъ 15. Опустите руку въ воду. Когда вы вынете ее, она будетъ мокрой, то-есть къ ней пристанетъ слой воды, который нелегко стряхнуть съ кожи руки. Рука притягиваетъ къ себѣ воду.

Опытъ 16. Возьмемъ два гладкихъ стекла, слегка ихъ намочимъ и приложимъ мокрой стороной другъ къ другу. Стекла слипаются и такъ крѣпко, что ихъ нелегко уже оторвать одно отъ другого. Они притянули одно другое.

Если взять пластинки изъ хорошо полированного стекла, то и безъ воды они могутъ притягивать другъ друга, если ихъ крѣпко надвинуть одно на другое.

Магнитъ съ приставшими къ нему желѣзными опилками.

Очевидно, что эта сила притяженія между частицами вещества дѣйствуетъ замѣтно только тогда, когда мы придвигаемъ ихъ очень близко другъ къ другу. На неполированныхъ стеклахъ много неровностей, которыя мѣшаютъ одной поверхности цѣликомъ придвинуться къ другой, и потому сила притяженія не можетъ обнаружиться между ними.

Опытъ 17. Возьмемъ кусокъ глины и размѣшаемъ его въ большомъ количествѣ воды. Прежняго куска уже больше не будетъ, а будетъ грязная вода, въ которой плаваютъ безчисленныя мельчайшія частицы глины. Если эту воду мы будемъ кипятить или оставимъ долгое время сохнуть, то въ концѣ концовъ получится снова вязкая, жидкая глина, изъ которой еще ничего нельзя слѣпить. Если мы будемъ сушить ее дольше, влаги въ ней останется мало, и частицы глины подвинутся уже настолько близко другъ къ другу, что между ними начнетъ дѣйствовать сила притяженія. Онѣ будутъ уже удерживать другъ друга, и изъ глины можно будетъ дѣлать болѣе или менѣ прочныя фигурки. Однако, эта сила притяженія еще не очень велика. Между частицами глины есть еще немного воды, и этотъ слой воды придаетъ нѣкоторую подвижность частицамъ. Отъ этого мы можемъ придавать куску глины разныя формы.

Опытъ 18. Положимъ глиняную фигурку на сковороду и будемъ подогрѣвать ее на огнѣ; мы замѣтимъ, что надъ ней вьется струйка пара. Когда вся вода испарится, глина становится крѣпкой, какъ камень. Частицы глины такъ плотно притянулись и подвинулись другъ къ другу, что теперь уже не легко ихъ оторвать одну отъ другой. Сила притяженія проявилась теперь вполнѣ.

И въ каждомъ твердомъ веществѣ частицы притягиваютъ другъ друга. Сила этого притяженія и придаетъ веществу его „твердость“.

Когда мы распускаемъ въ водѣ кусокъ сахара или соли, то мельчайшія частицы, изъ которыхъ они составлены, расплываются въ водѣ, какъ частицы глины. Эти частицы такъ малы, что ихъ уже не видно простымъ глазомъ, и, смѣшиваясь съ водой, сахаръ и соль сами какъ бы превращаются въ жидкость.

Если мы возьмемъ соли немного, она растворяется въ водѣ, но если соли взять много, она не можетъ вся раствориться, часть соли осядетъ на дно стакана. Такой растворъ соли на-

зывается „насыщеннымъ“. Можетъ быть такъ же „насыщенный“ растворъ сахара, квасцовъ, мѣднаго купороса и т. д.

Если насыщенный растворъ оставить испаряться, воды въ немъ дѣлается меньше, и часть соли „выпадаетъ“ изъ раствора, потому что вода уже не имѣетъ силы ее удерживать.

Опытъ 19. Попробуемъ дать испаряться крѣпкому соляному раствору или раствору мѣднаго купороса, но такъ, чтобы вода въ сосудѣ не стояла спокойно. Лучше всего для этого налить растворъ въ кастрюльку и заставить ее долго кипѣть. Вода будетъ испаряться очень быстро, и на дно будутъ садиться лишнія частицы соли или купороса, но при этомъ кристалликовъ не получится. На днѣ осядетъ просто порошокъ.

Если же вода испаряется медленно и спокойно, частицы имѣютъ время притянуться одна къ другой не какъ попало, а такъ, какъ имъ нужно по законамъ природы, то получаются правильныя фигурки или кристаллы, и каждое вещество образуетъ кристаллы своей особенной формы и вида.

Кристаллы могутъ получаться не только изъ растворовъ.

Частицы водяныхъ паровъ, остывая, такъ же сближаются и притягиваютъ другъ друга и при очень быстромъ охлажденіи смерзаются въ легкіе ледяные кристаллики. Эти кристаллики могутъ сростаться въ сложныя группы.

Такъ образуются снѣговыя звѣздочки въ зимнихъ облакахъ, иней на холодныхъ предметахъ.

Красивая узорчатая форма снѣжинокъ образуется потому, что частицы водяныхъ паровъ притягиваются между собою.

И когда мы смотримъ на причудливые рисунки, которые морозная ночь расписала на стеклахъ нашихъ оконъ, не приходитъ ли намъ въ голову мысль о тайнѣ, лежащей въ глубинѣ всего существующаго? Не кажется ли намъ, что ошибаются тѣ, кто говоритъ о мертвомъ, безжизненномъ веществѣ, изъ котораго построены весь міръ?

Не вѣрнѣе ли думать, что всякая мельчайшая частица міра и того, что зовутъ мертвой природой, матеріей, на самомъ дѣлѣ, движется, обладаетъ незримыми силами, привлекаетъ къ себѣ другія подобныя частицы,—словомъ, живетъ своей собственной жизнью, и что все, что ни совершается въ окружающей насъ вселенной, есть слѣдствіе этой жизни и тѣхъ незримыхъ, таинственныхъ силъ, которыя заложены въ любомъ веществѣ и проявляютъ себя вездѣ и всегда.

С. Покровскій.

Городъ Вѣрный.

Землетрясеніе въ Туркестанѣ.

За нѣсколько дней до Рождества, въ то время, когда повсюду шли веселыя приготовленія къ празднику и на улицахъ царило предпраздничное оживленіе и суета, на далекой окраинѣ Россіи, въ Туркестанѣ, находящемся за нѣсколько тысячъ верстъ отъ Петербурга и Москвы, разразилось ужасное бѣдствіе: въ ночь на 22-е декабря тамъ произошло страшное землетрясеніе, значительно превышающее по своей силѣ всѣ послѣднія землетрясенія, происходившія гдѣ-либо на земномъ шарѣ. Сила этого землетрясенія была такъ велика, что послѣ первыхъ сильныхъ толчковъ сломались маятники *сейсмографовъ*, особыхъ чувствительныхъ приборовъ, употребляемыхъ для измѣренія колебанія земли и находящихся въ различныхъ городахъ, за сотни и даже тысячи верстъ отъ мѣста землетрясенія. Каждый сейсмографъ всегда бываетъ снабженъ пишущей иглой, которая при каждомъ самомъ незначительномъ колебаніи земли чертитъ на движущейся подъ ней бумажной лентѣ зигзагообразную линію; по величинѣ этихъ зигзаговъ можно судить о силѣ землетрясенія. На этотъ разъ пишущая игла не могла

сдѣлать правильной записи, потому что ширина бумажной ленты обыкновенно не превышаетъ пол-аршина, а при Туркестанскомъ землетрясеніи размахи иглы достигали двухъ сажень¹⁾. Если бы такое сильное землетрясеніе разразилось гдѣ-нибудь въ густо населенной мѣстности, количество погибшихъ людей было бы неисчислимо, и только благодаря очень рѣдкому населенію Туркестана и характеру построекъ, землетрясеніе, охватившее громадное пространство земли, унесло сравнительно немного жертвъ—около 350 человекъ. *Эпицентр* землетрясенія (то-есть то мѣсто, гдѣ колебаніе почвы ощущалось особенно сильно и откуда оно волнами начало расхотиться во всѣ стороны), оказался около озера Иссыкъ-Куля, недалеко отъ города Вѣрнаго.

Въ 4 часа утра 22 декабря жители Вѣрнаго были разбужены сильными сотрясеніями земли, сопровождаемыми отдаленнымъ гуломъ. Всѣ предметы летѣли на полъ, стѣны трескались, сыпалась штукатурка, и жители, вскочивъ съ постели, полуодѣтые выбѣгали на улицу, стараясь держаться подалеже отъ рушившихся домовъ. Несмотря на сильный морозъ, доходившій до 10 градусовъ, всѣ предпочитали провести остатокъ ночи подъ открытымъ небомъ; никто не рѣшался войти въ уцѣлѣвшіе еще дома. Почти всѣ каменные, а особенно глинобитныя постройки были разрушены до основанія, другія осѣли или дали трещины. Деревянные дома вообще сохранились лучше. Земля долго еще не могла успокоиться, и въ послѣдующіе дни продолжались подземные толчки, то болѣе слабые, то опять сильные. Охваченное ужасомъ населеніе боялось оставаться въ домахъ и при каждомъ новомъ толчкѣ выбѣгало на улицу. Въ домахъ окна оказались выбиты, и печи почти всѣ испорчены; поэтому всѣ жители Вѣрнаго сильно страдали отъ холода; еще хуже было положеніе тѣхъ, которые совсѣмъ лишились крова. Многіе изъ уцѣлѣвшихъ во время землетрясенія заболѣвали отъ испуга или простуды. Съѣстные припасы въ городѣ сильно вздорожали, и населенію, особенно бѣднотѣ, приходилось терпѣть еще и отъ голода.

Кромѣ Вѣрнаго, отъ землетрясенія пострадали еще нѣсколько мелкихъ городовъ и цѣлый рядъ селеній. Благодаря тому, что дороги и телеграфъ были разрушены, изъ нѣкото-

¹⁾ При мессинскомъ землетрясеніи размахи доходили всего до 1½ аршина. Смотри „Маякъ“ 1909 годъ, № 6. Тамъ и рисунки сейсмографа.

рыхъ мѣстностей долго не могли получить извѣстій. Особенно боялись за судьбу города Пржевальска, расположеннаго около озера Иссыкъ-Куля; долго носились слухи, что Пржевальскъ исчезъ, поглощенный озеромъ. Однако посланные туда околнымъ путемъ развѣдчики сообщили, что самый городъ пострадалъ сравнительно мало, но дорога къ нему вся оказалась разрушенной, загроможденной обломками скалъ, засыпанной снѣгомъ, свалившимся съ вершинъ горъ; часть дороги и телеграфъ оказались передвинутыми на 100 сажень въ сторону. Пострадали также города Пишпекъ, Джаркентъ и Токмакъ, но

Аксуійскіе горячіе ключи близь Пржевальска.

особенно сильно пострадали многія селенія и главнымъ образомъ тѣ изъ нихъ, которыя были расположены вдоль сѣвернаго берега Иссыкъ-Куля, многія изъ нихъ разрушены до основанія. Въ горахъ погибло много киргизовъ, кочевавшихъ тамъ со своими стадами. Они были засыпаны въ ущельяхъ и горныхъ проходахъ. Поэтому точное число погибшихъ до сихъ поръ подсчитать трудно, но, вѣроятно, оно окажется больше, чѣмъ удалось высчитать до сихъ поръ. Многія мѣстности послѣ землетрясенія измѣнились до неузнаваемости. Образовались новые овраги, трещины, нѣкоторыя изъ нихъ шириной въ 10—15 аршинъ; старыя ущелья исчезли подъ обвалами, маленькія рѣчки переполнились водой и залили долины; въ

однихъ мѣстахъ земля осѣла, въ другихъ поднялась кверху, цѣлые пласты земли съ находящимися на нихъ деревьями и строеніями перемѣстились на значительное разстояніе.

Уже не въ первый разъ приходится Туркестану переживать подобныя землетрясенія. Городъ Вѣрный перенесъ уже нѣсколько землетрясеній. Въ послѣдній разъ онъ былъ разрушенъ въ 1887 г. Тогда уже признали, что опасно строить городъ на томъ же самомъ мѣстѣ, но, несмотря на это, его

Озеро Иссыкъ-Куль близъ Пржевальска.

снова выстроили, и теперь жителямъ его еще разъ пришлось пережить всѣ ужасы землетрясенія.

Почти всѣ туркестанскія землетрясенія, въ томъ числѣ и нынѣшнее, вызваны такъ называемыми *тектоническими* причинами. Поверхность земного шара никогда не остается неподвижной. На ней постоянно происходятъ различныя измѣненія. Въ однихъ мѣстахъ земля осѣдаетъ внизъ, въ другихъ поднимается кверху. При этомъ пласты земли иногда изгибаются а иногда, поднимаясь, ломаются, нагромождаются въ безпорядкѣ другъ на друга. Такъ образуются постепенно новыя цѣпи горъ.

Обыкновенно эти измѣненія совершаются такъ медленно, такъ постепенно, что мы не замѣчаемъ ихъ, и только черезъ сотни и тысячи лѣтъ люди видятъ результатъ этой непрерывной работы земли: дно морей поднимается, и образуются новые куски суши; суша—опускается, заливаается водой, образуются новые моря и части морей.

Иногда же измѣненія земной коры происходятъ внезапно. Въ одномъ мѣстѣ земля сразу выпирается складками и вслѣдствіе этого трескается; это вызываетъ сотрясеніе земли. Земля то поднимается вверхъ, то снова опускается внизъ и отъ этого еще больше трескается. Такія колебанія и сотрясеніе земли люди и называютъ тектоническими землетрясеніями ¹⁾. Последнее землетрясеніе въ Туркестанѣ было вызвано именно внезапнымъ образованіемъ складокъ въ горномъ хребтѣ Тянь-Шань.

Землетрясеніе въ Туркестанѣ тянулось не одинъ день. Во всѣ послѣдующіе дни продолжались подземные толчки. Почти всѣ праздники люди провели въ тревогѣ за свою жизнь. Затѣмъ наступило временное затишье, но 10-го января газеты снова принесли извѣстіе о колебаніяхъ земли. Съ тѣхъ поръ еще очень долго подземные толчки продолжаются почти каждый день. Такимъ образомъ землетрясеніе нельзя считать вполне окончившимся, и тревога населенія до сихъ поръ еще не улеглась. Пострадавшее, разоренное населеніе терпитъ теперь сильную нужду, а мѣстныхъ средствъ не хватаетъ для поддержки всѣхъ нуждающихся. Въ Петербургѣ уже образовался комитетъ для сбора пожертвованій въ пользу пострадавшаго населенія; необходима широкая помощь и поддержка и изъ другихъ городовъ.

Л. Ж.

¹⁾ Подробно о причинахъ землетрясеній смотрите статью „Землетрясеніе въ Сициліи“ Маякъ, 1909 г. № 5 и 6.

ДЛЯ МАЛЕНЬКИХЪ.

Подѣлись и со мной!

Дѣдушѣина сѣзѣка.

Возлѣ дѣдушѣи на печѣѣ
Четверо внучатѣ,
Засыпая, жмурятѣ глазѣи.
„Дѣдушѣка, а что же сѣзѣки?“
Дѣдѣѣ противитѣся, но слабо.
„Ну, такѣѣ вотѣѣ. Стариѣѣ да баба
Жили-были... поживали...“—
„Ну, а далѣѣ?“—
„Ну, а далѣѣ, значитѣѣ, жили,
Ни о чемѣѣ, вишь, не тужили,
Не тужили ни о чемѣѣ,
Торговали кумачомѣѣ.
Проживала сѣѣ ними кисьѣѣка.
Кисьѣѣка-брысьѣѣка.
Кисьѣѣка гостѣѣя намываетѣѣ,
Бабѣѣка сѣѣ печѣѣкой поспѣѣвуетѣѣ;
Какѣѣ сѣѣготовитѣѣся обѣѣдѣѣ,
Такѣѣ за столѣѣ садитѣѣся дѣѣдѣѣ.“—
„Дѣдушѣка, мы то слыхали!
Ну, а далѣѣ?“—
„Далѣѣ—спать пора голубѣѣкамѣѣ.“
Дѣѣдѣѣѣ прикрывлѣѣ всѣѣхѣѣ полушубѣѣкомѣѣ,
Молвилѣѣ: „Нечего. Пора.
Спитѣѣ, дѣѣтки, до утра“.

А. Насимовичѣѣ.

ВЪ НОВОЙ ШКОЛѢ.

Рис. 1. Дѣти моютъ и обтираютъ растенія.

Рис. 2. Дѣти готовятъ масло и творогъ.

Рис. 3. Дѣти стирають бѣлье для куколъ.

Рис. 4. Дѣти развѣшиваютъ, гладятъ и складываютъ бѣлье, выбиваютъ ковры и т. д.

Рис. 5. Вот какъ дѣти устроили крестьянскій домъ съ хозяйствомъ! Матеріаль у нихъ былъ: дощечки, полѣно, вѣтки, кусочки матеріи, гвозди, бумага. Инструменты — ручная пила и молотокъ. Попробуйте и вы сдѣлать то же самое.

Маленькіе америқанцы.

Паркера.

(Продолженіе.)

Г Л А В А III.

В е с н а.

Сколько стало теперь птичекъ! Вездѣ птички. Малиновки свили себѣ гнѣздышко въ фруктово́мъ саду. Дональдъ нашель ихъ гнѣздо. Оно было устроено на нижней вѣткѣ яблони и сдѣлано изъ грубой травы и глины.

Франкъ приподнялъ Сузи, чтобы она могла заглянуть въ гнѣздо. Пара блестящихъ глазо́къ глядѣла оттуда на дѣвочку. Самочка малиновки сидѣла со всѣмъ тихо.

Дрозды тоже сидѣли въ своемъ доми́кѣ. Ихъ гнѣздышко было устроено въ ящикѣ. Франкъ самъ прибилъ этотъ ящикъ къ дереву.

Ласточки прилѣпили свои гнѣздышки къ балкамъ гумна. Какъ весело онѣ летали и носились въ воздухѣ! Дятлы стучали своимъ клювомъ по деревьямъ. Они работали своими красными головками съ крѣпкимъ клювомъ, словно молоткомъ.

По вечерамъ раздавалась пѣсенка дрозда. Иногда всѣ птички начинали пѣть вмѣстѣ. Тогда Франку

было очень трудно научиться насвистывать ихъ пѣсенки.

Фруктовый садъ въ цвѣту.

Цвѣтовъ стало тоже очень много. Почти каждый день Сузи находила въ лѣсу или на полѣ новые цвѣты.

— Теперь, мальчики, надо бы приготовить грядки въ саду,—сказала госпожа Леонардъ:—скоро можно будетъ садить сѣмена.

— Пшеница уже вошла,—сказалъ господинъ Леонардъ.

— А подъ яровое уже вспахали,—прибавилъ Франкъ.

— Рожь на полѣ уже зазеленѣла.

— На кустахъ сирени распустились листья!

— На грушахъ тоже распускаются почки,—кричали наперерывъ дѣти.

— Птички уже начали высидывать птенцовъ.

Гнѣздо ласточки.

У насъ въ саду, въ гнѣздѣ малиновки, уже лежатъ четыре яичка.

— А какъ солнышко теперь грѣетъ, съ каждымъ днемъ теплѣе!

— А небо какое стало красивое— голубое, голубое!

— Дни тоже становятся длиннѣе, — прибавила г-жа Леонардъ.

— Мнѣ очень хочется узнать, когда у насъ изъ куколокъ выйдутъ бабочки, — сказала Сузи.

Дональдъ снялъ коконы съ полки.

— Посмотрите, — воскликнулъ онъ, — вонъ на одномъ коконѣ круглая дырочка, теперь можно заглянуть въ него! Да, тутъ осталась только одна коричневая кожура! Тамъ никого нѣтъ!

— Покажи, покажи, пожалуйста, мнѣ! — просила Сузи.

— Значить, бабочка уже вышла изъ этой куколки, — сказалъ Франкъ.

— Куда же она дѣвалась?

Дѣти осмотрѣли кругомъ всю комнату.

— Я нашелъ ее! — закричалъ Франкъ.

Большая коричневая бабочка уцѣпилась ножками за оконную занавѣску. Ея крылышки тихо опускались и поднимались.

Бѣлый американскій дроздь.

— Интересно, какъ бабочка знаетъ, когда ей нужно выходить изъ куколки,—сказалъ Дональдъ.

Бабочка расправила свои крылышки. На нихъ были большія черныя и желтыя пятнышки. Свѣтлыя

Бабочка кладетъ яички; изъ яицъ выходитъ гусеница. Гусеница превращается въ куколку, а изъ куколки вылетаетъ бабочка.

и темныя полоски перекрещивали каждое крылышко. Брюшко у бабочки было коричневое.

— Посмотрите, какой у нея пушокъ на спинкѣ,—сказала Сузи.

— Ха-ха!—засмѣялся Франкъ.—У бабочекъ не бываетъ пушка.

— Нѣтъ, бываетъ,—сказалъ господинъ Леонардъ.—Посмотри-ка на нее черезъ увеличительное стекло,—и онъ подаль дѣтямъ лупу.

— Да, правда,—сказалъ Дональдъ,—теперь пушокъ кажется гораздо больше.

Дѣти всѣ стали смотрѣть на бабочку черезъ увеличительное стекло.

— Ну, теперь откроемъ окно,—сказала госпожа Леонардъ,—пусть бабочка летить на свободу!

Франкъ тихонько потрясъ занавѣску, бабочка вылетѣла черезъ окно на солнышко.

— Я буду теперь наблюдать за остальными куколками,—сказала Сузи.

— Тебѣ, пожалуй, придется тогда просидѣть всю ночь,—замѣтилъ Дональдъ.

Дни стали теплѣе. Всякій былъ занятъ своимъ дѣломъ. Работы было много для всѣхъ.

Однажды утромъ Франкъ прибѣжалъ изъ хлѣва.

— Мама, Сузи, Дональдъ!—позвалъ онъ.—Идите скорѣе, папа васъ зоветъ!

— Въ чемъ дѣло?—спросила госпожа Леонардъ.

Они всѣ пошли за Франкомъ.

— Идите сюда,—крикнулъ господинъ Леонардъ.—Смотрите!

Около коровы лежалъ маленькій новорожденный теленокъ.

— Ахъ ты, славный какой, хорошенькій!—говорила Сузи.—Мнѣ хочется потрогать его. Можно, папа?

Господинъ Леонардъ подвелъ дѣвочку къ телянку. Сузи нѣжно погладила его по мордочкѣ.

„Му-му!“—промычала корова.

— Я знаю, это твой ребеночекъ,— сказала Сузи.— Не бойся, я ему не сдѣлаю больно.

Корова опустила голову и начала тереться своей мордой о спину телянка. Потомъ она стала лизать его своимъ длиннымъ шершавымъ розовымъ языкомъ.

— Можетъ онъ стоять?—спросилъ Франкъ.

Господинъ Леонардъ поставилъ телянка на ноги.

— Какія у него длинныя ножки!—сказалъ Дональдъ.

— Черезъ денекъ или два телянокъ будетъ уже сильнѣе,—замѣтила госпожа Леонардъ.— Его мать сама позаботится о немъ. Пойдемте теперь всѣ отсюда. Она уложитъ его спать!

ГЛАВА IV.

Э б е н е й з е р ь .

Когда онъ появился, было холодное зимнее утро. Дональдъ открылъ дверь. Въ рукахъ у него была лопата. Маленькій черный комочекъ лежалъ на бѣломъ снѣгу.

„Мяу!“

Дональдъ опустилъ лопату.

— Котеночекъ!—закричалъ онъ.

Мальчикъ осторожно взялъ котенка на руки. Котенокъ былъ маленькій, слабенькій. Дональдъ отнесъ его на кухню.

„Мяу!“

— Что это?—спросила Сузи.—Ахъ, Дональдъ, откуда онъ взялся?

— Я и самъ не знаю,—отвѣчалъ мальчикъ.—Онъ совсѣмъ умираетъ отъ холода.

Котенокъ дрожалъ. Дональдъ держалъ его передъ печкой.

— Дай ему теплаго молока, Сузи,—сказала госпожа Леонардъ.

Сузи побѣжала въ кладовую. Она налила въ блюдечко молока и поставила его на полъ.

— Вотъ, киска,—сказала она,—теперь тебѣ будетъ лучше.

Котенокъ съ жадностью началъ пить молоко. Сузи еще подлила молока въ блюдечко.

— Пей, пей, милый! Пей сколько захочешь,—сказала она.

Дональдъ одѣлъ свои рукавички.

— Можно оставить его у насъ, мама?—спросилъ онъ.

— Ну, конечно, не выбросимъ же мы его на холодъ,—отвѣтила госпожа Леонардъ.—Но, можетъ быть, у него есть хозяинъ.

— Ну, хорошо, пусть онъ будетъ нашъ, пока не найдется его хозяинъ,—сказала Сузи.

Дональдъ вышелъ на улицу копать снѣгъ. Сузи пошла въ столовую накрывать на столъ для завтрака.

Котенокъ оглядѣлся, забился въ уголъ за печку. Тамъ онъ свернулся клубочкомъ и крѣпко заснулъ.

Когда вся семья сидѣла за завтракомъ, котенокъ выпался и вышелъ въ столовую.

— Какой онъ черный!—сказалъ господинъ Леонардъ. — Онъ напоминаетъ мнѣ негритенка Эбейзера.

— Который жилъ у васъ въ домѣ, когда ты былъ маленькимъ мальчикомъ?—спросилъ Франкъ.

— Да, это былъ самый черный мальчикъ, котораго я когда-либо видѣлъ. Какой онъ былъ веселый, добрый!

— Давайте назовемъ нашего котенка Эбейзеромъ,—сказала Сузи.

— Если мы назовемъ его Эбейзеромъ, онъ долженъ быть такой же хорошій, какъ тотъ мальчикъ

— Сузи, ты будешь воспитывать его,—сказалъ Дональдъ.

Котенка такъ и назвали Эбейзеромъ.

Дѣтямъ хотѣлось, чтобы котеночекъ всегда былъ чистымъ. Дональдъ и Сузи долго говорили объ этомъ.

— Мы будемъ каждый день купать его,—сказалъ Дональдъ.

— Нѣтъ, дѣти, его нельзя купать. Это котенку вредно. Да и не къ чему его купать, онъ самъ вымоется, только сдѣлайте ему чистенькую постельку, чтобъ онъ не особенно пачкался.

Дѣти предоставили Эбейзеру мыться самому.

Онъ лизалъ свои лапки и теръ ими свою мордочку. Потомъ онъ разглаживалъ свою черную шубку своимъ шероховатымъ маленькимъ языкомъ.

Скоро Эбенейзеръ - котенокъ сталъ такой же веселый, какимъ былъ Эбенейзеръ - мальчикъ, шерсть на немъ такъ и блестѣла. Когда Дональдъ бросалъ свой мячикъ, Эбенейзеръ, какъ стрѣла, бросался за нимъ.

Однажды госпожа Леонардъ уронила катушку нитокъ. Котенокъ принялся играть съ ней; пока его черныя лапки совсѣмъ не запутались въ нихъ.

Часто Эбенейзеръ игралъ своимъ длиннымъ чернымъ хвостомъ. При этомъ онъ такъ быстро вертѣлся, что у Сузи кружилась голова, когда она глядѣла на него.

И какъ онъ теперь выросъ! Скоро онъ сталъ не котенкомъ, а взрослой кошкой. Никто не замѣтилъ, какъ это произошло, но всѣ знали, что онъ теперь уже не маленькій котеночекъ.

Когда пришла весна, Эбенейзеръ вмѣстѣ съ Сузи ходилъ въ лѣсъ. Онъ поднималъ голову и смотрѣлъ на каждое дерево.

Онъ зналъ также гнѣздо малиновокъ въ фруктовомъ саду.

— Нельзя трогать птичекъ, Эбенейзеръ!— говорила Сузи.

Эбенейзеръ въ отвѣтъ только тихонько помахивалъ своимъ длиннымъ чернымъ хвостомъ. Онъ про-

гуливался по дорожкамъ и, казалось, наблюдалъ, какъ работали мальчики.

Въ скоромъ времени Эбенейзеръ зналъ уже каждый уголокъ на фермѣ. Онъ отлично чувство-

валъ себя и дома, но повидимому больше любилъ поля и лѣса. На фермѣ онъ расхаживалъ повсюду съ такимъ важнымъ видомъ, словно вся ферма принадлежала ему.

Однажды въ гости къ дѣтямъ пришли Джо и Дикъ Дэвисъ. Они жили на другомъ берегу рѣки. вмѣстѣ съ ними пришла ихъ большая собака.

Но Эбенейзеръ не обрадовался ея приходу. Онъ выгнулъ шею и оцетинилъ шерсть.

„Пфъ!“ сказалъ онъ, и его желтые глаза заблестѣли.

Собака только посмотрѣла на него. Тогда Эбенейзеръ убѣжалъ на гумно.

Джо и Дикъ съ своей собакой часто приходили къ дѣтямъ, и скоро собака и Эбенейзеръ стали большими друзьями.

ГЛАВА V.

Какъ появилась Нелли.

Ночью шелъ дождь, но утромъ опять ярко свѣтило солнышко. Небо было совсѣмъ голубое. Въ

воздухъ было довольно прохладно. Трава и деревья стояли свѣжія и зеленыя. А какъ весело пѣли птички!

— Неужели птенчики малиновки вымокли отъ дождя?—сказала Сузи.—Въ гнѣздѣ теперь уже вывелись четыре птенчика.

— Не безпокойся, малиновка хорошо сумѣетъ укрыть своихъ птенчиковъ,—сказала ей мама.

— Въ саду совсѣмъ грязно,—сказалъ Франкъ.

— Да, намъ нельзя приняться за работу, пока земля не высохнетъ,—замѣтила мать.

— Давайте тогда играть въ песокъ,—предложила Сузи.

По другую сторону дороги, около забора, лежала куча песку. Около нея была куча гравія. Капельки дождя оставили на песокъ маленькія дырочки. Гравій былъ совсѣмъ сухой.

Гнѣздо малиновки.

— Развѣ дождикъ не падалъ на гравій?—спросила Сузи.

— Конечно, падалъ,—отвѣчалъ Франкъ,—но вся вода протекла между камешками.

— И песокъ не такой мокрый, какъ земля въ саду,—сказалъ Дональдъ.

— Какъ теперь изъ песку легко строить!—сказалъ Франкъ.

Скоро Сузи воскликнула:

— Мой домикъ уже готовъ; теперь я сдѣлаю каменную дорожку кругомъ него.

Она пошла къ кучѣ гравія за камешками.

— Я наберу маленькихъ, гладкихъ разноцвѣтныхъ камешковъ, — сказала она. — Посмотрите, какіе все красивые!

Въ это время кто-то шелъ по дорогѣ. Вотъ онъ подошелъ ближе. Дѣти ничего не замѣчали. Вдругъ они услышали чей-то долгій и глубокій вздохъ.

Сузи выронила камешки. Франкъ вскочилъ на ноги, а Дональдъ упалъ на свой песочный домикъ.

Возлѣ забора стояла лошадь и смотрѣла на дѣтей. Она была совершенно бѣлая, словно молоко. Дѣти чувствовали ея дыханіе на своихъ щекахъ.

Лошадь подошла къ дѣтямъ и тихо заржала.

Длинная бѣлая шея лошади протянулась черезъ заборъ. Ея кроткіе глаза смотрѣли такъ ласково. Широкія ноздри раздувались. Ахъ, если бы лошадь могла говорить!

— Давайте покормимъ ее, — сказалъ Франкъ.

Дѣти нарвали свѣжей травы и держали ее, пока лошадь ѣла.

— Я думаю, что она хочетъ пить, — сказала Сузи.

— Отведемте ее къ ключу, — предложилъ Дональдъ.

Франкъ крѣпко схватилъ лошадь за чолку, Дональдъ держалъ ее за гриву. Сузи указывала дорогу. Лошадь шла тихо. Ея новые друзья казались ей совсѣмъ маленькими.

Чистая струя воды бѣжала изъ ключа. Лошадь погрузила въ нее свою морду. Какъ долго она пила!

Лошадь подошла къ дѣтямъ и тихо заржала.

— Ну, что, вкусно?—спросилъ ее Дональдъ.

— Пожалуйста, оставь и для насъ немного воды, — смѣялась Сузи.

Мальчики разсмѣялись.

— Она не сможетъ выпить всю воду, хотя бы пила цѣлый годъ, — сказалъ Франкъ.

Лошадь подняла голову и выдула изъ ноздрей воду. Тогда дѣти повели ее домой.

— Папа, мама!—кричала Сузи.—Посмотрите, кого мы нашли!

Это она насъ нашла.

— Это не мы нашли ее, — сказалъ Дональдъ, — а она нашла насъ.

— Но вѣдь это Нелли, лошадь господина Миллера, — сказалъ господинъ Леонардъ:—она навѣрно заблудилась.

— Какая она красивая!—сказала госпожа Леонардъ.

— Можно ее оставить у насъ?—спросила Сузи.

— Конечно, мы теперь позаботимся о ней. Господинъ Миллеръ, навѣрно, будетъ разыскивать ее. Мальчики, отведите ее на пастбище!

Дѣти очень полюбили Нелли и всячески баловали ее. Сузи даже кормила ее сахаромъ.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ господинъ Миллеръ. Сузи увидала его и побѣжала на лугъ. Тамъ она влѣзла на заборъ и протянула руку лошади.

— Поди, поди сюда, Нелли!

Лошадь вѣрно подумала, что Сузи даетъ ей еще сахару и подходила ближе. Сузи обвила руками ея шею.

— Онъ пришелъ, Нелли,—сказала она.—Вѣдь ты не хочешь уходить отъ насъ, не хочешь?

Между тѣмъ господинъ Леонардъ и господинъ Миллеръ тоже пошли на лугъ. Они разговаривали между собой вполголоса. Когда они подошли совсѣмъ близко, видно было, что они что-то рѣшили между собой. Сузи посмотрѣла на нихъ и жалобно сказала:

— Пожалуйста, не уводите ее отъ насъ,—сказала она.

— А ты хотѣла бы, чтобъ Нелли навсегда осталась у васъ?

— Навсегда? Чтобы она была наша собственная?— У Сузи заблестѣли глаза.—Да, конечно. Ахъ, какъ это было бы хорошо! Но что же вы сами-то будете дѣлать безъ нея?

Господинъ Миллеръ улыбнулся.

— Я и самъ не знаю, какъ можно жить безъ нея,—сказалъ онъ.—Но ужъ какъ-нибудь постараюсь.

— Вотъ спасибо!—вскричала Сузи.—Только вы не очень скучайте безъ нея! Мы будемъ съ ней хорошо обращаться. Нелли! ты останешься у насъ. Я такъ рада! Побѣгу скорѣе сказать мальчишкамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Переводъ съ англійскаго Л. и Ж. Каравачевыхъ,

Совѣтуемъ нашимъ читателямъ прочесть слѣдующія статьи и разсказы о крѣпостномъ правѣ

Аксаковъ. Дѣтство Багрова внука.

Григоровичъ. I. Деревня. II. Антонъ Горемыка. III. Рыбаки.

Достоевскій. Мужикъ Марей.

Авенариусъ. Передъ разсвѣтомъ.

Гоголь. Мертвыя души.

Толстой Л. Н. I. Поликушка. II. Дѣтство и отрочество.

Хмѣлева. Марья-кружевница.

Ильина. Антошка.

Тургеневъ. I. Записки охотника. II. Муму.

Заринъ. Скрипачъ.

В. Финеръ. Моя няня (14-й сборникъ «Знанія»).

Фонвизинъ. Недоросль.

Какъ крестьянамъ дали волю. Сборникъ статей и воспоминаній.

Составили Тулуповъ и Шестаковъ.

Князьковъ. Какъ сложилось и пало крѣпостное право.

Некрасовъ. Очень многія его стихотворенія.

Златовратскій. Какъ это было.

Изъ писемъ нашихъ читателей.

...Если мнѣ кто-нибудь изъ читателей напишетъ (по-русски или по-нѣмецки), то я съ удовольствіемъ отвѣчу.

Зина Судакова.

г. Екатеринбургъ, Вознесенская ул., с. д.

... Очень прошу васъ узнать, гдѣ можно было бы достать словарь для эсперанто... Я получилъ отвѣтъ на мое письмо, посланное французскому деревенскому мальчику 15 лѣтъ, который просилъ, чтобы кто-нибудь изъ его сверстниковъ въ Россіи началъ съ нимъ переписываться. Я съ радостью началъ бы съ нимъ переписываться, если бы имѣлъ подъ рукою словарь...

Ф. Ф.

Мы, нѣсколько товарищей-гимназистовъ изъ III, IV и V классовъ, основали кружокъ международной школьной переписки при журналѣ «Морская волна», нами издаваемомъ.

Желающихъ съ нами вести переписку просимъ присылать заявленія, въ которыхъ должно быть указано: 1) подробный адресъ, 2) свой возрастъ, 3) языкъ, на которомъ желательно переписываться (русскій или иностранный), 4) по какому изъ слѣдующихъ отдѣловъ корреспонденту желательно переписываться:

- 1) Наука, 2) Искусство, 3) Путешествія, 4) Ученическая жизнь,
- 5) Литература, 6) Математическія задачи, 7) Научные опыты,
- 8) Шарады, ребусы, загадки.

Мы надѣемся, что среди товарищей это письмо найдетъ откликъ.

Бюро международной школьной переписки
при журналѣ «Морская волна».

Адресъ: г. Пятигорскъ, Терской области, Ессентукская улица, домъ Косолаповой, Георгію Ляпину.

Въ № 5 журнала «Маякъ» было дано руководство къ собиранію растений для гербарія, но тогда растенія бывають расплющены и представляются вамъ въ неестественномъ видѣ. Можно помочь этому и засушить цѣлый букетъ слѣдующимъ образомъ: возьмите по небольшому пучку разныхъ травъ и цвѣтовъ. Перевяжите каждый пучокъ ниткой посрединѣ и повѣсьте въ комнату или подъ навѣсъ, дней на десять. Тогда остается только снять цвѣты и подобрать букетъ. Для сушки берите растенія не очень сочныя, на примѣръ: тимоеевку, осоку, дикій лукъ, хлѣбныя растенія, репейникъ и т. п. Сочныя растенія, на примѣръ: одуванчикъ, тюльпанъ, лиліи и другія не годятся. Не годятся также розы, астры и вообще тѣ, у которыхъ лепестки очень быстро отваливаются или вянутъ. Букетъ слѣдуетъ ставить за солнце, а то онъ отгоритъ.

П. Яр.

Отвѣты редакціи.

Зинѣ Судаковой. Очень бы было интересно, если бы между нашими читателями завязалась переписка. Но чтобы переписка велась оживленно, намъ кажется, надо бы, чтобы желающіе переписываться высказались, что ихъ особенно интересуетъ, что они любятъ, и тогда товарищи, интересующіеся тѣмъ же, навѣрное пожелали бы съ вами переписываться, и письма ваши другъ къ другу могли бы быть особенно содержательны и интересны.

Мы были бы очень благодарны издателямъ «Морской волны», если бы они рассказали намъ, какъ ведется ихъ журналъ, что въ немъ пишется, помѣщаются ли наблюденія природы, рисунки, шарады, задачи и такъ далѣе.

Ф. Ф. Въ прошломъ году мы помѣщали бесѣды объ эсперантскомъ языкѣ. Очень рады, что языкъ этотъ помогъ хотя бы одному изъ нашихъ читателей (а можетъ быть и не одному?) завязать переписку со сверстникомъ, говорящимъ на другомъ языкѣ. Словарь съ русскаго на эсперанто есть только одинъ, изданный Корзлинскимъ. Выписать его можно изъ магазина «Эсперанто»: Москва, Тверская ул. Стоитъ онъ 1 р. 75 к.

Спасибо П. Яр. за совѣтъ, какъ сушить цвѣты. Я думаю, будущимъ лѣтомъ многіе имъ воспользуются. Какъ разъ надъ моимъ столомъ виситъ букетъ изъ васильковъ, хлѣбныхъ растений и злаковъ, засушенный такимъ образомъ нынѣшней осенью. Теперь васильки уже побурѣли, часть лепестковъ обвалилась, когда приходилось слувать съ букета пыль, но первые два-три мѣсяца букетъ былъ очень красивъ.

Кто хочетъ получить цвѣты, не потерявшіе своей формы и цвѣта и очень хорошо сохранившіеся, тотъ пусть запасется маленькимъ терпѣніемъ и засушитъ ихъ въ песокъ.

Дѣлается это такъ: найдите чистаго, бѣлаго, мелкаго рѣчного или морского песку. Промойте его хорошенько и просѣйте, чтобы не попадались камушки, щепочки и разный соръ. Выставьте ящикъ съ пескомъ на солнце или на печку, чтобы песокъ хорошо про-

сохъ. Свѣже сорванный цвѣтокъ положите на песокъ, расправьте его лепестки, листы, вѣточки, чтобы онъ не былъ измятъ, и начинайте засыпать цвѣтокъ пескомъ изъ зажатого кулака тонкой струйкой. Засыпать нужно равномерно весь цвѣтокъ, чтобы нигдѣ песокъ не осыпался и не давилъ нѣжныхъ частей растенія. Когда цвѣтокъ будетъ хорошо засыпанъ и надъ нимъ будетъ на 1—2 пальца песку, вынесите ящикъ на солнце или поставьте въ печку (не горячую). Дня черезъ два-три, или немного болѣе, цвѣтокъ будетъ совершенно готовъ. Отройте его осторожно, сдуньте песокъ, и у васъ получится засушенный цвѣтокъ, почти ничѣмъ не отличающійся отъ живого. Надо на ночь ящикъ съ засушенными цвѣтами уносить въ комнату, чтобы песокъ не отсырѣлъ отъ росы. Отъ этого цвѣтокъ можетъ потерять окраску.

Засушивать такимъ образомъ можно шиповникъ, розы, анютины глазки и проч. и проч.

Мы очень рады, что начался въ этомъ году нашъ отдѣлъ переписки съ читателями такими письмами,—письмами, предполагающими ближе узнать другъ друга, сблизиться другъ съ другомъ, помочь другу другу совѣтомъ. Единеніе людей, взаимопомощь, взаимная поддержка—вотъ та цѣль, которую мы преслѣдовали, когда начинали журналъ. Мы такъ рады, что наши товарищи-читатели идутъ къ намъ на помощь.

Редакція.

**Открыта подписка на 1910 годъ
НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ВЪСТНИКЪ КУРОРТОВЪ И ЛѢЧЕБНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ
и на еженедѣльное „ЗДОРОВАЯ ЖИЗНЬ“.**

Единственный въ Россіи журналъ, посвященный вопросамъ курортнаго дѣла, туризма и здравоохраненія, какъ факторовъ общественной и экономической жизни.

Изъ общей для обоихъ изданій программы въ ежемѣсячникъ „Вѣстника курортовъ и лѣчебныхъ учреждений“ главнымъ образомъ войдутъ: 1) Статьи, рефераты и замѣтки по бальнеотерапіи, климатотерапіи, фізіотерапіи и діететикѣ. 2) Описаніе курортовъ, лѣчебныхъ заведеній, санаторій, больницъ и др. лѣчебныхъ учреждений Россіи и заграничьи. 3) Отчеты ученыхъ обществъ, съѣздовъ и выставокъ по бальнеотерапіи и т. д., а въ еженедѣльникъ „Здоровая жизнь“: 1) Вопросы повседневной жизни въ свѣтѣ гигиены и медицины. 2) Жизнь курортовъ и лѣчебныхъ учреждений. 3) Городская и дачная жизнь. 4) Обзоръ русской и иностранной жизни. 5) Корреспонденціи и письма. 6) Фельетоны научные и литературные. 7) Смѣсь и разныя разности. 8) Спортъ и туризмъ. 9) Библиографія и новыя книги. 10) Справочныя свѣдѣнія. 11) Портреты, виды, рисунки, чертежи и планы и 12) Адресъ-указатель, стороннія сообщенія и объявленія.

Подписная цѣна на „Вѣстникъ курортовъ и лѣчебныхъ учреждений“ съ еженедѣльникомъ „Здоровая жизнь“ съ перес. и доставкой за годъ 3 р., $\frac{1}{2}$ года—1 р. 75 к. и $\frac{1}{4}$ года—1 р. Допускается подписка на каждое изданіе особо, причемъ подписная цѣна за годъ—2 р. и за $\frac{1}{2}$ года—1 р. 20 к. на каждое изъ нихъ. Пробный экз. журнала съ прибавл. будетъ высылаться интересующимся за три 7 коп. марки. Новые годовые подписчики при желаніи получить годовой экз. за 1908 г. и 1909 г. улачиваютъ по 1 р. 75 к. за каждый, а за оба года вмѣстѣ 3 руб.

*Редакція и контора журнала помещаются въ Харьковѣ,
Николаевск. пл., 7.*

Редакторъ-издатель д-ръ М. Шляпошниковъ.

Съ 1-го іюля 1909 г. въ г. Кіевѣ выходитъ при участіи видныхъ педагогическихъ и литературныхъ силъ

еженедѣльная иллюстриров. популярная литературно-научная газета-журналъ

„СПУТНИКЪ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ И ЭКСТЕРНА“.

Постоянные отдѣлы: Обзорѣніе темъ по русскому языку, предлагавшихся въ маѣ и августѣ 1909 г. въ различныхъ гимн. Россіи. Опыты разработки этихъ темъ. Обзорѣніе задачъ, предлагавшихся въ маѣ и авг. 1909 г. въ разныхъ гимназіяхъ, опыты разработки и отвѣты на эти задачи. Школьная жизнь. Справочный отдѣлъ. Корреспонденціи. Отзвы о книгахъ. Наука, искусство и жизнь. Статистическія свѣдѣнія. Обширный почтовый ящикъ. Офіціальныя извѣстія. (Циркуляры, распоряж.). Объявленія.

Въ почтовомъ ящикѣ редакція даетъ отвѣты на разнообразныя вопросы читателей (разъясненія циркуляровъ и распоряж., рекомендацій книгъ, учебниковъ, пособій и т. под.). Редакція надѣется давать при газетѣ отдѣльныя приложенія по предметамъ учебн. литер.

Подписной годъ съ 1-го іюля.

Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой: 1 г. — 4 р. 40 к., $\frac{1}{2}$ года—2 р. 30 к., 3 мѣс.—1 р. 20 к., 1 мѣс.—40 к. Отд. №—10 к., съ перес.—12 к. При подл. на годъ—разсрочка: 1 взн. 1 р. 40 к., слѣд. по 1 р. черезъ 3 мѣс. Приемъ подписки въ главной конторѣ: Кіевъ, Б.-Васильковская, д. № 16, кв. 5,

Адресъ редакціи: Кіевъ, Б. Подвальная, 29, кв. 21.

Редакторъ О. А. Португаловъ.